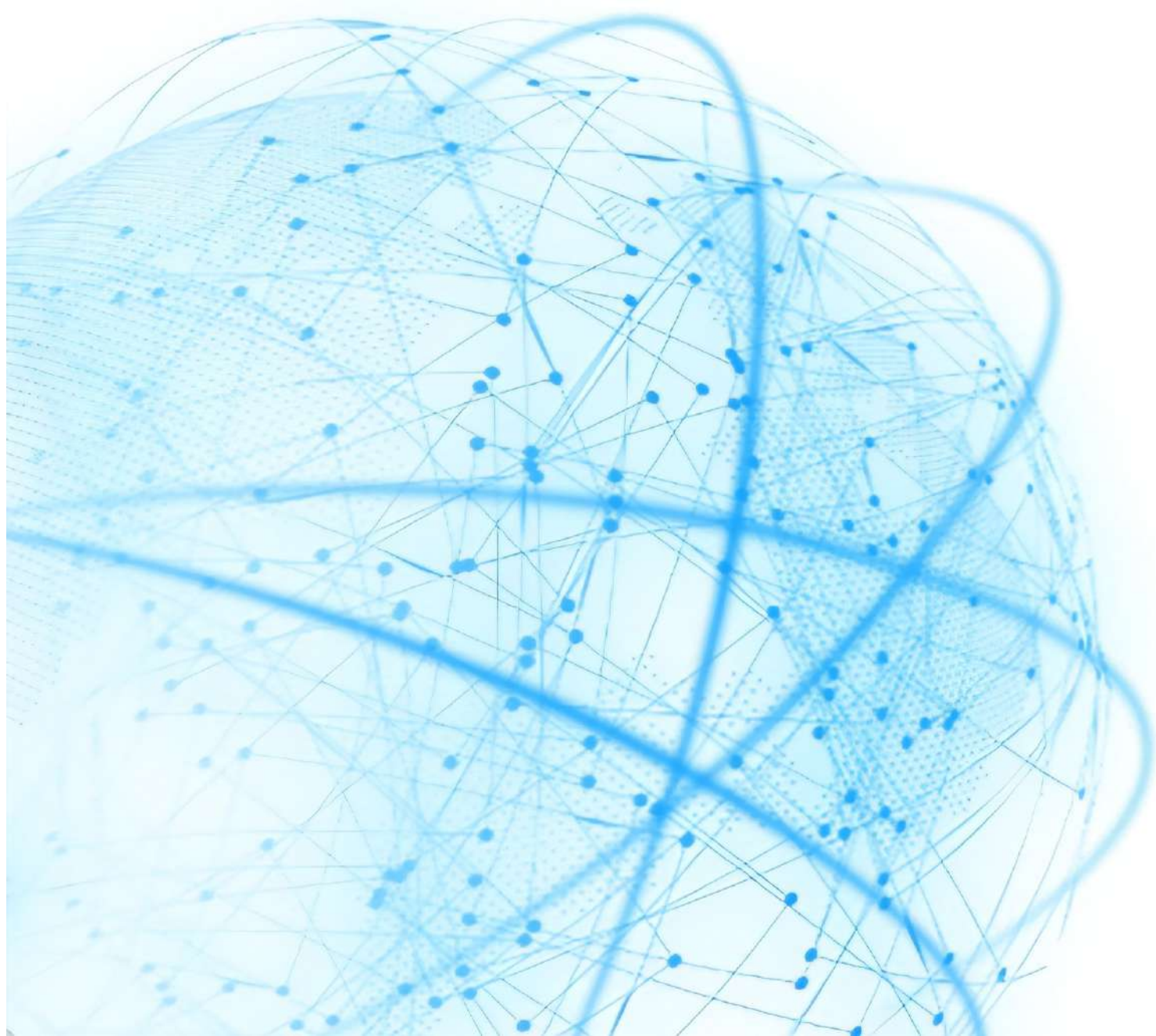

Научный электронный журнал «Сфера науки»

**Выпуск №4
(сентябрь)**

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

№4

Сентябрь 2025 г.

Краснодар, 2025

Содержание

Гражданское право	4
ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ	4
Базазян Елена Андреевна	
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ: РЕКВИЗИЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ	18
Катраев Александр Витальевич	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	29
Катраев Александр Витальевич	
Конституционное право	41
РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РФ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	41
Юхтарова Мария Сергеевна	
Семейное право	50
ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА	50
Лушникова Елена Юрьевна	
ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НАСЛЕДОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ	56
Лушникова Елена Юрьевна	
ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ	61
Погодаева Мария Михайловна	
Уголовное право	67
ФОРМИРОВАНИЕ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОГО СОЗНАНИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ	67
Демина Алёна Николаевна	
ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА И КВАЛИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ	77
Качановская Анна Владимировна Шпакова Тамара Константиновна	

Экологическое право

85

**ВОЗМЕЩЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА В РОССИИ:
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И НЕДОСТАТКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ,
ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
УГРОЗ**

85

Потолов Олег Алексеевич

Неуступов Артём Александрович

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ

Базазян Елена Андреевна,

студентка 2 курса

ФГБОУ ВО ЧелГУ,

г. Челябинск, Россия,

elena.lena5555515@gmail.com

Аннотация: В условиях стремительной цифровой трансформации общества цифровая экономика становится ключевым фактором экономического развития и источником новых правовых вызовов. В статье представлен комплексный междисциплинарный анализ правовых и экономических аспектов цифровой экономики, учитывающий интеграцию цифровых технологий, данных в цифровой форме и их влияние на экономические отношения. Особое внимание уделено методологическим подходам к пониманию цифровой экономики — широкому и узкому, а также необходимости их взаимодополнения для формирования эффективных нормативно-правовых механизмов. Автором предложена уникальная дефиниция цифровой экономики, которая максимально полно отражает её системную природу и специфику правового регулирования. Такая формулировка способствует преодолению терминологических разногласий и обеспечивает более точное применение концепции в правовой практике. В работе также проводится детальный анализ ключевых правовых проблем, связанных с разграничением понятий «электронное» и «цифровое», что позволяет чётко определить границы правового регулирования различных

процессов и явлений цифровой среды. Особое внимание уделено феномену цифрового доверия — важнейшему элементу функционирования цифровой экономики, обеспечивающему баланс между анонимностью пользователей, защитой приватности и необходимостью адекватного правового контроля и ответственности. Данный подход создаёт прочную основу для адаптации законодательства к динамичным инновационным моделям хозяйственной деятельности в цифровом обществе.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, экономические отношения, правовое регулирование цифровой экономики, правовые проблемы цифровой экономики, цифровое доверие, цифровые права

В последние десятилетия мир переживает масштабную цифровую трансформацию, которая затрагивает практически все сферы общественной жизни. Эта динамичная цифровизация влияет не только на экономические процессы, но и на правовые отношения, порождает новые вызовы и требования к нормативному регулированию. В условиях стремительного развития технологий возникает необходимость комплексного понимания и анализа таких новых явлений как цифровая экономика, ввиду их важности и значимости для устойчивого развития общества, формирования современной правовой базы и обеспечения эффективности экономических процессов в цифровую эпоху.

Целью статьи является правовой анализ концепций цифровой экономики и разработка авторской дефиниции с учётом междисциплинарной природы явления, что позволит сформировать более целостное и глубокое понимание сущности цифровой экономики, интегрируя экономические, правовые и технологические аспекты. Это, в свою очередь, создаст основу для разработки эффективных нормативно-правовых механизмов, способствующих адаптации законодательства к современным цифровым вызовам.

Первоначально хотелось бы сказать об истории развития цифровой экономики. Основоположником введения термина "цифровая экономика" в научный оборот в 1995 г. принято считать американского ученого Н. Негропonte [16, с. 243]. Однако системное концептуальное оформление идея получила в 1996 г. благодаря работе Дж.Тэпскоттом [17, с. 1-300]. Оба научных деятеля настаивали на том, что развитие технологий и главным образом информационно-коммуникационных технологий является основным детерминантом, определившим появление исследуемого феномена. Поэтому именно с середины девяностых годов двадцатого века начинается этап зарождения и становления цифровой экономики.

Исходя из немногочисленных фундаментальных исследований цифровой экономики, можно сделать вывод, что в широком смысле слова современный мир и сейчас находится только на начальном этапе её изучения и осмысления. Но несмотря на малоизученность данного явления тезис о том, что цифровая экономика — это объективно обусловленный процесс, затрагивающий в той или иной мере экономики практически всех развитых и развивающихся стран, можно назвать практически бесспорным [11, с. 2238-2253].

В современной науке существует два методологических подхода к пониманию цифровой экономики – широкий и узкий.

В рамках широкого подхода цифровая экономика рассматривается как система, в основе которой лежат цифровые технологии, определяющие её экономическую структуру и динамику [3, с. 143–172]. Сторонниками широкого подхода являются В.Е. Гордеева и А. В. Волошин [12, с. 5–18]. Такое широкое понимание исследуемого явления позволяет не ограничивать круг общественных отношений, которые она может затрагивать и оставляет большой простор для новых форм экономической деятельности, инновационных бизнес-моделей и трансформации традиционных отраслей. Вместе с тем, такой подход требует комплексного подхода к регулированию, учитывающего быстрое развитие технологий и их влияние на экономические

процессы, а также необходимость адаптации правовых норм к новым реалиям цифрового общества.

При узком подходе цифровую экономику можно рассматривать как систему экономических отношений, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме [7, с. 4–20.]. Данного подхода придерживаются такие ученые как Ю.В. Белоусов, О.И. Тимофеев, Л. В. Лapidус [6, с. 76–84] [2, с. 79-89]. То есть, можно предположить, что в отличие от широкого подхода, узкий подход говорит о том, что основой цифровой экономики являются не цифровые технологии, а цифровая форма этих технологий, во главу угла ставится экономическая сущность, а не технологические изменения. Это позволяет избежать такой распространенной ошибки как абсолютизации технологических изменений в ущерб их экономической сути. Но, по мнению автора работы, данный подход во многом не позволяет учитывать специфику различных институтов цифровой экономики и при недостаточной гибкости не сможет признать и легализовать явления которых не существует в классическом гражданском обороте, соответственно будет искусственно сдерживаться экономический рост.

Отечественный законодатель при формировании стратегии правового регулирования цифровой экономики выбрал именно узкий подход к данному явлению, что следуют из анализа нормативного материала определяющего курс развития цифровой экономики в России.

В соответствии с указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» под цифровой экономикой следует понимать хозяйственную деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа [8]. Данное понимание цифровой экономики отражает переход к новой технологической парадигме, где именно данные становятся основным ресурсом и драйвером экономического развития, что подчёркивает ее важность для развития экономики в целом.

Хочется отметить, что узкого подхода также придерживаются некоторые международные организации и интеграционные объединения. Например, в рамках СНГ цифровая экономика трактуется как совокупность производственных отношений субъектов информационного общества на текущем уровне развития цифровых технологий и инфраструктуры [9]. Евразийский экономический союз определяет цифровую экономику как часть экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления подверглись цифровым преобразованиям с использованием информационно-коммуникационных технологий [10]. Но, например по определению Всемирного банка, который исходит из широкого подхода цифровая экономика – это система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий [1, с. 1-28]. Эти определения подчёркивают роль цифровых технологий как инструмента ведения хозяйственной деятельности. Соответственно, единой международной позиции на данный момент не существует. Необходимо учитывать, что цифровая экономика — это сложное, многоаспектное явление, именно поэтому неизбежны трудности при формировании единого определения.

Исследование данного предмета требует проведения междисциплинарного анализа, объединяющего достижения экономической теории, правовой науки и знание цифровых технологий.

Соответственно, можно сделать вывод, что в юридической среде широкое и узкое экономическое понимание цифровой экономики должны дополнять друг друга, так как первый подход позволит обеспечить системное видение цифровой трансформации общества и, в частности, экономики, а второй конкретизировать и детализировать правовое регулирование ключевых цифровых инструментов. Это как раз-таки и позволит отразить многоаспектный характер цифровой экономики и необходимость комплексного междисциплинарного подхода к её нормативному регулированию.

В основном, внимание к этой теме проявляют ученые экономисты, тогда же как в юридической научной литературе этот вопрос раскрыт недостаточно полно. Между тем, выбор методологического подхода к пониманию цифровой экономики не только определяет сущность самого термина, но и влияет на разработку критериев её измерения, прогнозирования и, что особенно важно, на формирование эффективных правовых механизмов регулирования. В условиях стремительного развития цифровых технологий и постоянной трансформации общественных отношений становится очевидным, что для выработки адекватных правовых инструментов необходимо чёткое и всестороннее представление о содержании этого явления.

По мнению автора настоящей работы, для эффективного правового регулирования цифровой экономики и обеспечения её устойчивого развития необходимо оперировать не только экономическими, но и юридическими категориями, что требует выработки собственного определения данного понятия. В этой связи была предложена авторская трактовка понятия цифровой экономики, учитывающая как системный, так и правовой контекст её формирования и функционирования.

«Цифровая экономика — это система экономических и общественных отношений, функционирующая в условиях цифровой среды и основанная на использовании цифровых технологий и данных в цифровой форме, что определяет специфику правового регулирования и критерии разграничения с иными (электронными, но не экономическими по сути) явлениями».

Это определение объединяет экономическую сущность, технологический базис и правовые вызовы в единую модель, что редко встречается в классических определениях, в которых обычно преобладает либо экономический, либо технологический аспект, а также предлагает критерии для дальнейших законодательных реформ в условиях цифровой трансформации, позволяет отграничить критерии между «цифровыми» и «электронными» (не имеющими экономической сущности) явлениями.

Вторым важным вопросом и одним из наиболее дискуссионных и проблемных в современной науке и практике видится вопрос «является ли цифровая экономика частью классической экономики или же представляет собой качественно новое явление?». Именно ответ на этот вопрос имеет фундаментальное значение в определении сущности цифровой экономики и должен быть положен в дальнейшее построение правовой базы, способствующей гармоничному развитию данной сферы и защите интересов всех её участников. В настоящее время в научной среде выделяются три основные концепции, каждая из которых отражает разные подходы к пониманию цифровой экономики.

Первый подход рассматривает цифровую экономику как новый технологический сегмент классической экономики, а не как отдельную «экономику в сети Интернет». В его основе лежит экономическая природа и сущность экономических отношений, объектом которых выступают экономические блага — как традиционные, так и созданные с использованием цифровых технологий. Такой взгляд является классическим и наиболее распространённым в научной литературе, его поддерживают такие исследователи, как Р. Бухт и Р. Хикс, И.В. Голвенчик, В.К. Иванов [13] [14] [3, с. 143–172]. Данная концепция подчёркивает преемственность и интеграцию цифровой экономики в традиционную экономическую систему.

Второй подход, представленный А. В. Бабкиным, Д. Д. Буркальцевой, Д. Г. Костенем определяет цифровую экономику как новый тип экономики, характеризующийся активным внедрением и использованием цифровых технологий, при котором обмен информацией выступает её центральным элементом [1, с. 9–25]. Можно предположить, что данный подход чрезмерно акцентирует внимание на информации и обмене информацией, тогда же как в традиционной экономике многие современные экономические процессы также связаны с интенсивным обменом информацией, соответственно сложно провести разграничение между этими двумя категориями. С правовой точки зрения предложенная позиция также не выдерживает критики так, как

отсутствие чётких критериев разграничения затрудняет формирование эффективной нормативной базы, направленной на регулирование различного рода правоотношений. Недостаточная проработка экономической сущности цифровой экономики и излишний фокус на технологических и информационных аспектах могут привести к недооценке ключевых экономических процессов. Это, в свою очередь, затрудняет формирование полноценной и чётко структурированной экономической модели цифровой экономики, необходимой для эффективного анализа и правового регулирования.

Интересной и наиболее сбалансированной представляется позиция профессора Российской академии наук Р.В. Мещерякова, который считает, что цифровая экономика — это экономика, основанная на цифровых технологиях, при этом включающая новые формы экономических отношений, но не отрывающаяся от классических экономических категорий [13]. На основании проведённого исследования, автор приходит к выводу, что именно эта позиция является наиболее предпочтительной, поскольку представляет собой очень современной подход, который одновременно позволяет признать инновационный характер цифровой экономики и возможности для появления в ней ранее не существовавших правовых и экономических институтов или форм этих институтов, которые будут нуждаться в нормативном регулировании, при этом учитывает органичную интеграцию цифровой экономики в традиционную экономическую систему, что создаёт прочную методологическую базу для создания правовых актов, которые будут лежать в основе цифровой экономики.

Таким образом, современное понимание цифровой экономики должно строиться на синтезе принципов классической экономики и современных знаниях об особенностях цифровых технологий.

Говоря о важности понимания того, что основой цифровой экономики является классическая экономика, следует отметить, что неполное или некорректное восприятие её экономической сущности часто приводит к

подмене понятий, когда под элементами цифровой экономики начинают подразумевать, например, процессы оцифровки или внедрения электронного документооборота, которые безусловно необходимы для функционирования и развития цифровой экономики, но носят вторичный, вспомогательный характер, не связанный с экономическими отношениями, и относятся к цифровым только с технической точки зрения [15, с. 4].

Например, можно заметить, что термин "цифровой" часто не отграничивают от термина "электронный", хотя данные определения несут совершенно разный смысл. Термин "электронный", означает что для решения традиционных задач используются новые технологии, это просто форма, в которую обличено уже привычное содержание. В отличие от этого, понятие «цифровой» отражает более глубокие изменения, связанные с внедрением цифровых технологий, которые трансформируют экономические процессы и создают новые формы взаимодействия и отношений. Поэтому, когда сейчас в литературе высказывают суждение о появлении, например, «цифрового нотариата» это говорит не о появлении каких-то новых функциональных особенностей, а лишь о том, что наблюдается расширение применения электронных технологий в нотариальной деятельности. Это подчёркивает, что цифровизация — это не просто переход на электронные формы работы, а комплексное преобразование, связанное с внедрением цифровых методов и моделей, меняющих структуру и логику процессов. В этом контексте важно понимать, что цифровизация затрагивает не только технические аспекты, но и организационные, экономические и правовые механизмы, создавая предпосылки для появления новых форм экономических и социальных отношений.

Необходимо также сказать, что для создания комплексной системы норм и стандартов законодательство о цифровой экономике помимо экономических аспектов должно учитывать и социальные, технологические и этические факторы, так как цифровая трансформация оказывает существенное влияние на общественные отношения, изменяя не только механизмы производства и

обмена, но и социальные структуры, трудовые отношения, а также нормы и ценности, регулирующие поведение участников рынка.

Говоря о таких понятиях, как цифровая экономика и цифровые права, важно также затронуть категорию цифрового доверия. Терминологию и сущность определения доверия разрабатывали представители различных научных дисциплин, поскольку этот феномен затрагивает все сферы общества и влияет на поведение людей. В юридической литературе доверие трактуется как «уверенность в соблюдении установленных норм и правил» [5, с. 45–58].

В рамках данной работы, можно считать целесообразным, под доверием понимать мировоззренческие установки, которые выражают определенный уровень ожидания человека или группы людей, организации добросовестного поведения от других лиц, которое соответствует нормам, правилам и ограничениям, сложившимся в обществе. Данное определение является авторской формулировкой, основанной на анализе классических и современных научных подходов к понятию доверия в социологии, психологии и праве.

Цифровое же доверие имеет особенность, заключающуюся в том, что мы как участники цифровой экономики доверяем не столько конкретным субъектам, сколько информационным системам, платформам на которых осуществляется оборот товаров и услуг. И некая анонимность субъектов, которая является на самом деле преимуществом цифровой экономики и именно тем моментом, который привлекает новых участников цифровых экономических отношений может и должна быть обеспечена за счёт доверия контрагентов друг к другу посредством доверия к информационной площадке, на которой осуществляется торговля. При этом стоит заметить, что цифровое доверие отвечает всем признакам, которые обычно характеризуют классическую категорию доверия, то есть это убежденность, надежность, ожидаемость, уверенность и тд. Баланс между анонимностью и регулируемостью в цифровой экономике является одной из ключевых задач современного правового и технологического развития. С одной стороны,

анонимность пользователей обеспечивает свободу действий, защиту приватности и стимулирует участие в цифровых отношениях. С другой - отсутствие адекватного регулирования и контроля создаёт риски для безопасности, способствует мошенничеству и подрывает доверие к цифровым платформам. Однако, несмотря на широкое обсуждение, определение цифрового доверия зачастую даётся в отрыве от правовых механизмов его обеспечения, таких как электронная подпись или блокчейн, что не позволяет полноценно обеспечить защиту прав и интересов участников цифровых отношений, а также снижает эффективность цифровых платформ в обеспечении прозрачности и ответственности. Поэтому для формирования устойчивого цифрового доверия видится необходимым интегрировать правовые инструменты и технологические решения в существующие механизмы.

Исходя из всего вышесказанного, автор исследования под цифровым доверием предлагает понимать мировоззренческие установки, которые выражают определенный уровень ожидания человека или группы людей, организации добросовестного поведения от других лиц и посредников, которое соответствует нормам, правилам и ограничениям, сложившимся в обществе, а также корректной работы, отвечающей правилам, которые были заявлены площадкой и приняты в цифровой среде от информационной системы, на которой происходит товарооборот. Данное определение позволит создать теоретическую основу для анализа и разработки эффективных правовых и технических механизмов формирования и поддержания цифрового доверия в условиях цифровой экономики. Кроме того, оно способствует более глубокому пониманию роли доверия как социального и правового феномена, что важно для выработки рекомендаций по совершенствованию нормативно-правового регулирования и практических инструментов защиты цифровых прав участников цифрового гражданского оборота.

Подводя итог, можно сделать вывод, что цифровая экономика – это

сложное и многоуровневое явление, находящееся на пересечении экономики, права и технологий, требует междисциплинарного подхода не только к своему определению и регулированию, но и к вопросам введения и оборота новых объектов, которые она в себя включает. Современное понимание цифровой экономики должно основываться на синтезе принципов классической экономической теории и особенностей цифровой трансформации, что позволяет не только выявить её сущностные черты, но и сформировать эффективные правовые механизмы регулирования новых общественных отношений.

Изучение цифровой экономики позволяет выявить глубинные изменения, происходящие в обществе, и на этой основе создавать гибкие и системные нормативные акты, которые обеспечат устойчивое развитие института цифровых прав, их гармоничную интеграцию в правовую систему и экономическое пространство.

Библиографический список использованных источников

1. Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Костень Д. Г., Воробьёв Ю. Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. — 2017. — Т. 10, № 3. — С. 9–25.
2. Белоусов Ю.В., Тимофеева О.И. Методология определения цифровой экономики // Мир новой экономики. 2019. №4. С. 79-89. URL: <https://wne.fa.ru/jour/article/view/237/228>.
3. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. № 2. С. 143–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-kontseptsiya-i-izmerenie-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 19.04.2025).
4. Ефимушкин В. А. Понятие цифровой экономики [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. — 2017. — 28 с. Режим доступа:

<https://bi.hse.ru/data/2017/03/30/1168539176/KC28.03%20->

[%20Владимир%20Ефимушкин.pdf](#) (дата обращения: 31.05.2025).

5. Карцхия Александр Амиранович, Макаренко Дмитрий Григорьевич
ДОВЕРИЕ КАК ПРАВОВОЙ ФАКТОР // Образование и право. 2024. №2. —
С. 45–58. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-pravovoy-faktor>
(дата обращения: 17.05.2025).

6. Луценко С.И. Цифровая трансформация и приоритеты социально-
экономического развития в региональном разрезе // Цифровая экономика.
2021. № 3 (15). С. 76–84. / Луценко С. И. Цифровая трансформация и
приоритеты социально-экономического развития в региональном разрезе //
Цифровая экономика. 2021. № 3 (15). С. 76–84.

7. Материалы VIII Межфакультетской научно-практической конференции
молодых ученых: Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, экономический
факультет; 22 декабря 2021 г.: Доклады и выступления / под науч. ред. д.э.н.,
проф. Л. В. Липидус. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В.
Ломоносова, 2024. — 88 с. С. 4–20.

8. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации
на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 [Электронный
ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата
обращения: 31.05.2025).

9. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников
СНГ № 53-12 от 26.11.2021 г.

10. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 №
12.

11. Устюжанина Е. В., Сигарев А. В., Шеин Р. А. Цифровая экономика как
новая парадигма экономического развития // Экономический анализ теория и
практика. 2017. Т. 16, № 12. С. 2238-2253.

12. Хоменко Е. Б. Цифровая экономика: актуальные вопросы теории и
практики // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право».
2021. № 1. С. 5–18.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-aktualnye-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 19.04.2025).

13. Цифровая экономика как специалисты понимают этот термин [Электронный ресурс] // Профессия и профессионализм. URL: https://prof-ras.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=888%3Atsifrovaya-ekonomika-kak-spetsialisty-ponimayut-etot-termin (дата обращения: 31.05.2025).

14. Цифровая экономика [Электронный ресурс] : учеб.-метод. комплекс / Г. Г. Головенчик. – Минск : БГУ, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-985-566-847-4.

15. "Цифровые активы: правовой анализ: монография" Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. ("4 Принт", 2020) С. 4

16. Negroponte N. Being Digital. N. Y.: Knopf, 1995. P.243.

17. Tapscott D. The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence. New York: McGraw-Hill, 1996. Vol. 1.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ: РЕКВИЗИЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ

Катраев Александр Витальевич,

студент 3 курса
ФГАОУ ПГНИУ,
г. Пермь, Россия,
katrai228@mail.ru

Аннотация: статья посвящена вопросам конституционности временного изъятия имущества у собственника для удовлетворения публичных интересов (реквизиция). Автором был проведен сравнительный анализ оснований временного изъятия имущества в разные периоды в отечественном законодательстве. В статье рассматриваются некоторые особенности поиска баланса интересов в целях определения возмещения собственнику ущерба, связанного с изъятием имущества для публичных нужд.

Ключевые слова: реквизиция, изъятие, временное изъятие имущества, право собственности, публичный интерес, частный интерес, частная собственность, баланс интересов, правоприменение.

Право собственности является предметом изучения различных наук, не только юриспруденции. Если рассматривать собственность как экономическую категорию, она выражается в отношении человека к вещи, т.е. экономика не берёт во внимание отношения людей по поводу права собственности, для экономики важнее закрепить принадлежность определённой вещи за конкретным участником оборота. С точки зрения социологии, частная собственность является «камнем преткновения», являющимся причиной классового расслоения общества, существования

эксплуатации человека человеком [6, с. 75]. Сколько бы не существовало дискуссий по поводу положительных и отрицательных аспектов частной собственности, построение такого общества, в котором её бы не существовало вообще, на практике выглядит как весьма сомнительная идея. Исходя из этого, государство должно обеспечивать такой правопорядок, при котором собственник будет обладать уверенностью в абсолютном характере как своего права собственности, так и права собственности других лиц.

В развитии всей многовековой истории человечества, имущество являлось определяющим фактором в распределении благ между участниками оборота. Притязания людей на установление господства над вещью является неотъемлемой частью психики человека, как социального существа, стремящегося завоевать власть среди соплеменников. В защиту от посягательств третьих лиц, человечество стало вырабатывать механизмы разрешения споров по поводу имущественных отношений путём обращения в органы государственной власти. Более всех остальных в этом вопросе преуспел Римский правопорядок, который закреплял абсолютный характер права собственности и в случае недобросовестного завладения имуществом со стороны третьих лиц, предоставлял добросовестному приобретателю право истребовать свою вещь из чужого незаконного владения (лат. *vindicato*), либо требовать устранения препятствий в пользовании вещью (лат. *actio negatitia*). Сложившийся со времён Римской Империи порядок защиты частной собственности и сейчас актуален в ряде стран континентальной правовой семьи.

Говоря об эпохе Новейшего времени, следует упомянуть, что на территории нашей страны понятие частная собственность появилось совсем недавно, по сравнению с зарубежными соседями. Существовавшая в Советском Союзе личная собственность, на первый взгляд, может показаться прототипом частной собственности, но такое предположение не является верным. Первая принципиально отличалась тем, что, хотя формально, она и признавалась государством как самостоятельная форма собственности, на

практике она представляла собой некий вспомогательный инструмент, введённый в целях «залатать дыру» между существовавшими на тот момент государственной и муниципальной собственностью. Личная собственность, закреплённая в ст. 10 Конституции СССР 1936 г. представляла собой собственность граждан, на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства [7].

В юридической литературе отмечается, что главная особенность личной собственности заключается в её производном характере от общественной собственности и ориентацией на потребление. Как упоминалось выше, для человека как социального существа неизбежна потребность в установлении господства над вещью, тем самым законодатель ликвидировал частную собственность, которая существовала в ряде стран Запада, но в силу идеологии была непозволительна для советской правовой семьи, восполнив при этом пробел в общественных отношениях по использованию гражданами предметов личного потребления понятием «личная собственность», ограничив при этом права личной собственности посредством запрета её использования в качестве эксплуатации наёмного труда, источника нетрудового дохода, а следовательно, единственным источником приобретения предметов в личную собственность могли быть только трудовые доходы [3, с. 12].

Переход страны от плановой модели экономики к рыночной сопровождался процессом приватизации, что, в свою очередь, требовало юридического закрепления частной собственности за физическими и юридическими лицами. Первое упоминание «частной собственности» в отечественном законодательстве датируется 24 декабря 1990 года с принятием Закона «О собственности в РСФСР», государство выступало гарантом равноправия всех форм собственности, которых в законе было выделено 3 формы: частная, государственная и муниципальная [5]. В статье 4 того же закона был дан перечень объектов права собственности. Законодатель отметил, что право собственности на имущество, находящееся на территории

РСФСР, охранялось законом вне зависимости от места нахождения собственника [13].

Говоря о действующей Конституции Российской Федерации, в ст. 8 отмечается равенство всех существующих на современном этапе в России форм собственности: государственной, муниципальной и частной [8]. Принцип равной защиты всех форм собственности распространяет своё действие не только на Конституционное право, но в том числе защита собственника имущества от посягательств закрепляется в главе 21 Уголовного Кодекса, Кодексе об Административных Правонарушениях, Гражданском Кодексе. Презюмируется, что статья 8 Конституции РФ является базисом для регулирования отношений собственности [12, с. 244]. В статье 35 Конституции РФ указано, что каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться, распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Тем самым, данная норма содержит в себе одновременно описание содержания права собственности и даёт отсылку к двум видам права собственности, закреплённым в ГК, а именно право индивидуальной и совместной собственности. В той же норме указывается, что ни один субъект правоотношений не может быть лишён своего права без соответствующего решения суда, притом принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено при условии его предварительного и равноценного возмещения. Конституция, имея на территории Российской Федерации высшую юридическую силу, тем самым закрепляет возможность посягательства со стороны государства на право собственности конкретных лиц только в целях публичного интереса, в связи с чем на практике, как правило, ввиду недостаточной конкретизации норм, возникают вопросы по поводу их применения.

В статье 213 ГК РФ законодатель указывает на принцип неограниченности количества имущества, которое может находиться в частной собственности, но при этом норма носит отсылочный характер, тем самым отсылая к другим нормативным правовым актам, в которых

указывается имущество, на которое устанавливается ограничение его приобретения физическими и юридическими лицами [2]. Так, например иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками в приграничных районах и на иных территориях, которые указаны в федеральных законах. Гражданский кодекс предусматривает возможность ограничения гражданских прав только в той мере, в которой это возможно для удовлетворения публичных интересов. Российская Федерация является демократическим государством с рыночной экономикой, что по определению означает обязанность государства создать условия для свободного осуществления гражданами своих имущественных притязаний. Говоря о принципе равной защиты всех форм собственности, закреплённом в Конституции, следует упомянуть, что на практике органы государственной власти не должны допустить умаления прав граждан в отношении частной собственности. Для вышеперечисленных целей необходимо на законодательном уровне найти баланс интересов между достоинством конкретного собственника как субъекта права и интересов публичных [4, с. 238].

Отходя от теории конституционного права и обращаясь к гражданскому законодательству, следует отметить, что в статье 235 ГК РФ законодатель перечислил основания принудительного прекращения права собственности, куда отнёс понятие «реквизиция», т.е. временное изъятие имущества собственника при обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер при условии возмещения ему стоимости изымаемого имущества, притом отчуждение может быть произведено безвозвратно в случае, если возвращение имущества невозможно. В статье 242 того же кодекса приведён примерный перечень чрезвычайных обстоятельств, с оговоркой, «иных обстоятельств, носящих чрезвычайный характер», тем самым не раскрывая в полном объёме понятие «чрезвычайные обстоятельства», что, в свою очередь, порождает проблемы при толковании нормы судами в вопросах ограничения права

собственности. При определении терминологии «чрезвычайности» нужно исходить из того, что ни собственник, ни другие лица не могли своей волей воздействовать на вышеуказанные обстоятельства, т.е. обстоятельства носят характер непредотвратимых, независимых от воли человека. Буквальное толкование терминов, используемых в законе, представляет собой превентивную меру по предотвращению необоснованного изъятия имущества у собственника, тем самым гарантирует ему надлежащую защиту его конституционных прав как субъекта права и экономики.

Государство, осознавая тот факт, что, принудительно изымая имущество у собственника, оно должно поставить последнего в такое положение, при котором максимально бы гарантировались права собственника в соответствии с Конституцией РФ, постепенно вводит ряд положительных мер, направленных на обеспечение конституционных прав граждан. Примером может служить то, что с 1 апреля 2015 года необходимым условием изъятия земельного участка является предоставление правообладателю предварительного равноценного возмещения, тем самым собственник поставлен в положение, при котором ещё до фактического прекращения его права собственности государство гарантирует, что не останется перед ним в долгу. Однако, изучая вопросы, связанные с изъятием имущества у собственника с возможностью последующей выплаты последнему стоимости этого имущества, следует обратить внимание на Постановление Конституционного Суда РФ от 08.07.2021 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 242 и пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Комплекс». В свиноводческом комплексе ООО «Комплекс» был выявлен факт заболевания животных вирусом африканской чумы свиней, в связи с чем органами государственной власти было произведено умерщвление животных, без последующего возмещения стоимости имущества. Ответчик, в лице Управления ветеринарии Тюменской области ссылаясь на положения пункта 6 Постановления Правительства

Тюменской области от 19 июля 2010 года № 206-п Порядка возмещения ущерба, причиненного собственникам отчуждением животных и (или) изъятием продуктов животноводства в целях предотвращения возникновения и ликвидации очагов особо опасных болезней животных. Исходя из данного нормативного акта, возмещению не подлежит ущерб, в случае установления вины собственника в возникновении очагов особо опасных болезней животных, куда относится вирус африканской чумы свиней. Конституционный Суд, исследуя в совокупности ввиду взаимосвязанности положений пункта 1 статьи 242 и абзаца второго пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса, в которой указано о необходимости снижения размера возмещения ущерба или возможности отказа в возмещении ущерба при наличии грубой неосторожности потерпевшего, дает интересные выводы: применяя данную норму по аналогии, Конституционный Суд отметил, что на данный момент в законодательстве отсутствует четкий и непротиворечивый механизм выплаты собственнику стоимости животных или продуктов животноводства, изъятых при ликвидации очагов особо опасных болезней животных, позволяющий ответить на вопрос о вине собственника, если она содействовала возникновению и распространению таких очагов. Тем самым, КС РФ указал на несоответствие вышеуказанных статей Гражданского кодекса статьям 8, 19, 34, 35 и 55 Конституции в той мере, в какой создают неопределенность в вопросе об учете при осуществлении выплаты собственнику стоимости изъятых животных при наличии его вины. Применяя данные нормы в совокупности по аналогии, Конституционный Суд также указал на возможность административного произвола ввиду отсутствия правового регулирования, что влечет за собой умаление прав собственника и нарушение баланса публичных и частных интересов [11].

Институт реквизиции существовал и в Советском праве. В период с 1914 по 1921 годы реквизиция широко применялась в целях обеспечения армии в условиях тяжелой внешнеполитической обстановки, а также в случаях преступлений против государственной власти. Следует отметить, что в

рассматриваемый этап отечественной истории реквизиция не получила никакого нормативного закрепления, не смотря на это ее применение было достаточно широким [9, с. 44]. Исследуя понятия реквизиции следует обратить внимание на определение реквизиции в Российской империи в период восстановления после войн на Кавказе. Как указывалось в XVIII Своде военных постановлений Российской Империи 1869 года, реквизиция может быть произведена в качестве «изъятия всякого рода местных средств для удовлетворения потребностей армии» [1, с. 179]. Тем самым сам законодатель определял круг потребностей государства, при котором могла быть произведена реквизиция, эти потребности не были конкретизированы, но были существенно ограничены по сравнению с последующими понятиями реквизиции, только лишь потребностями армии. Ни о каких чрезвычайных ситуациях речи не шло, реквизиция в имперский период рассматривалась как институт, предназначенный сугубо для обеспечения обороноспособности и обеспеченности армии, притом в определении не упоминалось о соразмерном возмещении, и, как следствие, ни о какой вине собственника не могло быть и речи.

Свое законодательное закрепление в советском праве данный институт получил впервые в Сводном законе РСФСР от 28 марта 1927 г. «О реквизиции и конфискации имущества», который не содержал в себе четкий перечень оснований реквизиции, а лишь указывал на то, что данная мера может быть произведена на основании специальных постановлений Экономического Совещания РСФСР [10]. Не включая в закон перечень оснований такого изъятия имущества, государство тем самым признало, что реквизиция возможна только посредством издания акта полномочного на то органа. Учитывая тот факт, что частная собственность на момент принятия Сводного закона не существовала, личная собственность граждан для государства не представляла существенного экономического интереса, поэтому положения данного в контексте идеологических особенностей того времени были весьма

приемлемыми, даже ввиду отсутствия у собственника изначального понимания возможных рисков ограничения его правомочий.

Право собственности в отечественной истории развивалось неоднозначно, претерпевая множество изменений по сравнению со своими зарубежными аналогами, что объяснялось особым курсом экономического и социального развития Российской Империи, РСФСР и современной России. Отношение к некоторым видам собственности и их правовое регулирование строилось исходя из политических и идеологических соображений того времени. Институт временного изъятия имущества собственника (реквизиция) также претерпевал ряд изменений исходя из политики государства. Основания для проведения процедуры реквизиции отличались на разных этапах развития института, постепенно расширяясь и включая в себя новые обстоятельства, свидетельствующие о невозможности сохранить за собственником его имущество. В период имперской России изъятие производилось для нужд армии, чем обеспечивались публичные интересы того времени, заключающиеся в обеспечении нерушимости суверенитета и территориальной целостности в условиях нестабильной ситуации вблизи государственных границ. То же самое можно проследить и на постреволюционном этапе существования данного института.

На сегодняшний день законодатель, введя в Гражданский кодекс основания для временного изъятия имущества, предусмотрел примерный перечень условий, дав судам некоторую неопределенность при применении норм, которые ограничивают конституционные права граждан. При определении того, подлежит ли возмещению ущерб при реквизиции в случае наличия вины потерпевшего применяются нормы главы 59 ГК РФ по аналогии, на что Конституционным Судом было отмечено, что для института реквизиции необходимо выработать правовое регулирование по данному вопросу, указав при этом возможные неблагоприятные последствия применения взаимосвязанных норм вместе.

Институт реквизиции с течением времени приобретает все более определенные черты, пробелы восполняются как судебной практикой, так и постановлениями Верховного и Конституционного суда, тем самым пытаюсь найти ту тонкую грань баланса интересов частного собственника и публичных. Учитывая, что данный вопрос затрагивает в первую очередь права граждан, которые им гарантирует конституция, при возникновении спорных ситуаций, следует обращать внимание на то, что собственник является менее защищенной стороной по отношению к органам власти, учитывая данный факт при правоприменении.

Библиографический список использованных источников

1. Авербах Е.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914 г. с Германией, Австро-Венгрией и Турцией: законы, манифесты, рескрипты, указы Правительствующему сенату, распоряжения и постановления министров и др.: неофициальное изд. Вильна, 1915.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Давидович Н.В. Личная собственность в советском законодательстве // Ленинградский юридический журнал. – 2024. - № 3 (77). – С. 6-18.
4. Дроздов А.А. Защита уполномоченным по правам человека в Российской Федерации прав собственности: совершенствование подходов // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 2021. С. 236-242.
5. Зак. РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 (ред. от 24.06.1992 с изм. От 01.07.1994) «О собственности в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР» 1990, № 30. Ст. 416
6. Китова Д.А., Шаков А.М. Отношения собственности как предмет психологического исследования // Гуманизация образования. 2017. № 1. С. 74-79.

7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК № 283. 06.12.1936
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> 06.10.2022.
9. Кузьменко А.С. Реквизиция как политический механизм в России в 1914-1921 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 (118). С. 43-48.
10. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 28.03.1997 «Об утверждении Сводного закона о реквизиции и конфискации имущества» // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2025).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.07.2021 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 242 и пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Комплекс» // Собрание законодательства РФ. 19.07.2021 № 29. Ст. 5751
12. Раздъяконова Е.В. Принцип равной защиты всех форм собственности и публично-частное партнёрство // Вестник Томского государственного университета 2020. № 454. С. 244-248.
13. Частная собственность появилась при Советах // URL: <https://www.pnp.ru/social/chastnaya-sobstvennost-poyavilas-pri-sovetakh.html> (дата обращения: 02.10.2025).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Катраев Александр Витальевич,

студент 3 курса
ФГАОУ ПГНИУ,
г. Пермь, Россия,
katrai228@mail.ru

Аннотация: статья посвящена вопросам роли рекламы в современном обществе. В связи с принятием многочисленных поправок в законодательстве о рекламе, автором был проведен анализ влияния политики государства на принятие поправок, актуальность рекламы для хозяйствующих субъектов, а также проанализирована практика органов государственной власти по контролю за соблюдением законодательства о рекламе с целью выявить возможные пути обхода нововведений и пути их устранения. Был проведен анализ правовой природы рекламного права как подотрасли права и выдвинуты предположения о дальнейшем правовом регулировании этого явления.

Ключевые слова: реклама, рекламное право, хозяйствующий субъект, потребитель, правовое регулирование, государственная политика, законодательство, гражданское законодательство, публичный договор, закон.

Для эпохи постиндустриального общества характерно расширение влияния сферы услуг в гражданском обороте. Развитие научно-технического прогресса и принципиально новых для законодательства объектов гражданских прав послужило катализатором процесса становления сферы услуг в качестве преобладающей ниши в экономике. Хотя действующая

редакция Гражданского кодекса РФ не содержит в себе определения «услуг», однако, понятие «услуги» фигурирует во множестве статей кодекса. Статья 128 отдельно отмечает в качестве объекта гражданских прав результаты работ и оказание услуг. Определение оказания услуг в качестве объекта гражданских прав означает тот факт, что сами по себе услуги законодатель относит к числу немногочисленных нематериальных благ, вокруг которых складываются гражданские правоотношения. Как указывает п.1 ст. 779 Гражданского кодекса РФ, услугами являются определенные действия или осуществление определенной деятельности, которые исполнитель выполняет по заданию заказчика. Иными словами, результатом оказанных услуг будет являться не материальное благо как таковое, а «полезный эффект». Ещё одним критерием разграничения результатов работ и оказания услуг являются временные рамки потребления оказываемых услуг. Если результат работ содержит в себе материальный признак, т.е. в конечном счете является физически обособленной вещью, то при оказании услуг результат так же может быть материальным, но процесс его потребления начинается в процессе оказания самого оказания услуги [4, с. 40].

Говоря о публичных договорах, в которых одним из субъектов выступает профессиональный участник гражданского оборота, необходимо сделать оговорку, что законодатель предусмотрел множество механизмов защиты слабой стороны договора. Речь идёт о нормах, содержащихся в Федеральном Законе «О защите прав потребителей». Учитывая тот факт, что сфера услуг на современном этапе является одним из приоритетных направлений развития национальной экономики, к расширению которой стремится государство, нельзя оставлять без внимания экономические интересы исполнителя публичного договора, т.е. хозяйствующего субъекта. Главной его целью является заключить договор с как можно большим количеством потребителей, дабы оказаться конкурентоспособным субъектом экономики. С одной стороны, соблюдение законодательства, которое предписывает исполнителю надлежащее выполнение работ/оказание услуг и

удовлетворение требований контрагентов является неотъемлемой частью привлечения капитала для своей деятельности, более того, данные нормы носят императивный характер и контроль за их исполнением осуществляется со стороны органов государственной власти. С другой стороны, учитывая, опять же, экономические интересы исполнителя, только лишь соблюдение всех предписаний является недостаточным для того, чтоб неограниченный круг лиц, в адрес которых направлена оферта на заключение договора, акцептовал оферту именно этого контрагента.

В условиях рыночной экономики одной из ключевых составляющих успешной экономической деятельности является реклама и маркетинг. Качественно продуманная реклама, содержащая в себе краткое описание предлагаемых товаров (работ, услуг), формирующая у потребителя желание заключить договор с конкретным контрагентом по поводу данного объекта рекламы в условиях нынешней конкуренции, в том числе со стороны иностранных компаний, является наиболее эффективным средством привлечения клиентов. В условиях научно-технического прогресса так называемое «сарафанное радио» теряет свою актуальность, уступая место брендингу. Иными словами, тот хозяйствующий субъект, который сумел создать вокруг своего продукта уникальный бренд, который будет признаваться в обществе в качестве желаемого продукта, будет иметь лидирующие позиции среди остальных компаний. Хотя понятие бренда и рекламы было известно человечеству еще с прошлого столетия, развитие научно-технического прогресса в области информационных технологий послужило толчком к созданию множества ранее неизвестных брендов. На данный момент реклама является главным оружием хозяйствующих субъектов в продвижении своих товаров, работ и услуг. Качественная клиентоориентированная реклама должна содержать в себе что-то уникальное, будь то запоминающийся слоган или изображение, что на подсознательном уровне сформирует у потребителя желание воспользоваться предлагаемой услугой.

Сейчас можно наблюдать, как индивидуальные предприниматели или юридические лица нередко злоупотребляют своим правом на размещение информации о реализуемых товарах (работах/услугах), пытаясь тем самым довести информацию до большой аудитории. В связи с этим, законодательство о рекламе не может оставаться неизменным и претерпевает ряд поправок, касающихся ограничений на распространение информации в целях реализации прав потребителей на достоверную и добросовестную рекламу. Вступая тем самым в конфликт с законодателем, хозяйствующие субъекты пытаются найти все больше лазеек в законодательстве, дабы реализовать свои цели по поводу привлечения клиентов.

За прошедшую четверть века реклама стала повсеместно встречающимся явлением. Развитие массовой коммуникации способствует формированию новых видов рекламы, неизвестных прошлому столетию, в связи с чем потребитель все чаще сталкивается с недостоверной, либо же рекламой, имеющей целью ввести потребителя рекламы в заблуждение относительно объектов и целей рекламы. Учитывая тот факт, что массовое использование сети «Интернет» в Российской Федерации привело к учащению вышеописанных случаев, законодатель вводит нововведения, касающиеся описанного социального явления, пытаясь выработать новые подходы к проблеме рекламы для защиты интересов как потребителя, так и национальных интересов страны.

В обыденной жизни в связи с введением поправок в законодательство о рекламе и ростом интереса к данной теме всё чаще встречается термин «нежелательная реклама», однако сам законодатель данный термин не использует, применяя термин «нежелательная» применительно к организации, деятельность которой представляет угрозу национальным интересам [12]. Если рассматривать общеупотребительный термин «нежелательная реклама», можно провести аналогию с используемым в ФЗ «О рекламе» понятием «недобросовестности» и «недостоверности». В статье 5 того же закона содержится закрытый перечень, позволяющий определить рекламу как

«недобросовестную» В общих чертах, недобросовестной признается реклама, нарушающая антимонопольное законодательство о рекламе и посягающая на интересы других рекламодателей и рекламораспространителей. Так, запрещается некорректное сравнение рекламируемого товара с находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами. Данная норма основывается на ст. 17 Конституции РФ, в которой сказано, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц [7]. Вводя понятие «недобросовестная реклама», законодатель тем самым признает, что реклама, которая имеет целью высмеять или поставить в неудобное положение товары (работы, услуги), производимые другим хозяйствующим субъектом, есть проявление нарушения прав и свобод других лиц, что запрещено Конституцией. По действующему антимонопольному законодательству запрещается недобросовестная конкуренция путем некорректного сравнения, причем в данном вопросе ст. 14.3 Федерального закона №135-ФЗ «О защите конкуренции» в случае, если субъект позиционирует свой товар как самый качественный и т.п., он обязан получить заключение соответствующей независимой экспертизы, по результатам которой товар (работа, услуга) будут иметь право называться «лучшим», «первым», «номер один» и т.п. с целью предотвращения введения потребителя в заблуждение и причинения ущерба другим организациям, реализующим товары (работы, услуги) [11]. Также, в той же статье 5 законодатель ввел термин «недоверенная» реклама, дав закрытый перечень отнесения рекламы к недоверенной. Проводя анализ данной нормы, можно сказать о пределах реализуемых правомочий по распространению рекламы – в рекламе должны быть подобраны такие формулировки и она должна распространяться таким образом, чтобы не ущемлять права других. С учетом участвовавших злоупотреблений «нежелательной рекламой» со стороны хозяйствующих субъектов, законодатель ввел ряд мер, направленных на ограничение распространения такой рекламы.

Исходя из определения рекламы, которое дается в статье 3 Федерального закона «О рекламе», «реклама – информация, распространяемая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [13]. Как видно из определения, реклама представляет собой информацию, притом рекламируемая информация включает в себя широкий спектр целей: привлечение внимания, формирование и поддержание интереса к объекту рекламы, притом эта информация может распространяться с использованием любых средств. Такое многогранное определение, данное законодателем в Федеральном законе, на практике послужило ряду практических вопросов, какая информация попадает под критерии рекламы, а какая нет. С 25 июля 2025 года были введены критерии такого разграничения. Для того, чтобы информация соответствовала целям рекламы она должна привлекать внимание, не нести в себе характер справочно-информационных или аналитических материалов, не являться объявлением, которое связано с ведением бизнеса. В связи с введенными правоограничениями в области распространения рекламной информации и появлением новых средств доведения информации до широкой аудитории в функциях самих информационных платформ, начинают появляться схемы обхода законодательства о рекламе в целях непредоставления информации в единую систему учета и размещения рекламы на запрещенных в России интернет-ресурсах. В частности, одной из схем такого обхода является распространение информации путем «репоста», т.е. вторичной публикации сообщения (поста), размещенного другим пользователем сети Интернет [3]. В целях противодействия обходу блокировок и реализации прав граждан на достоверную и добросовестную рекламу, практика идет по пути признания информации, размещенной путем репоста рекламой, о чем свидетельствует решение Федеральной антимонопольной службы: исходя из определения №ПК/1423/24 от 12 марта 2024 года, информация, размещенная из

сообществом «Менялка» из сообщества «Депиляция и лазерная эпиляция г. Инта» путем репоста в социальной сети «ВКонтакте», содержит все правовые признаки рекламы, следовательно, является рекламой [1]. Как следствие, рекламодатель был привлечен к административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе. Данный пример показывает то, как изменение функционала социальных сетей может послужить причиной расхождения мнений рекламодателей, рекламодателей, операторов рекламных систем и органов государственной власти, уполномоченных вести контроль и надзор за соблюдением законодательства о рекламе по поводу толкования норм закона. Хозяйствующие субъекты, пытаясь толковать нормы ограничительно, пытаются найти пробелы в законе и воспользоваться ими в целях привлечения аудитории. Однако, практика, учитывая эти обстоятельства стремится к единообразному регулированию информации, попадающей под признаки рекламы, вводя единые критерии отнесения такой информации к рекламе исходя из определения, данного в Федеральном законе «О рекламе» и критериев, утвержденных в Постановлении Правительства РФ от 24 июля 2025 г. № 1087 [9].

Примером роли внешней политики в регулировании законодательства о рекламе могут служить недавние поправки в статью 5 Федерального закона «О рекламе», которые вступили в действие 1 сентября 2025 года. Как указано в диспозиции, не допускается распространение рекламы на информационных ресурсах иностранных компаний, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. Данные поправки вызвали большой ажиотаж и интерес со стороны создателей интернет-контента в признанной экстремистской организацией на территории РФ «Meta», являющейся правообладателем «Instagram» и «Facebook». Исходя из приведенного определения рекламы, можно сделать вывод, что законодатель запрещает любое продвижение информации в данных интернет-ресурсах, независимо от формы её продвижения под угрозой применения мер

административной ответственности по статье 14.3 КоАП [6]. В связи с принятием поправок, у рекламодателей возник ряд вопросов по поводу того, стоит ли удалять уже размещенную рекламу и что делать с полученными за размещение рекламы средствами. Ввиду недостаточности разъяснений, данную норму можно трактовать с двух сторон: во-первых, согласно Конституции РФ, законы, отягчающие административную ответственность, не имеют обратной силы, во-вторых, исходя из свойств рекламы в сети «Интернет», наличие информации, попадающей под критерии рекламы в профиле рекламодателя, может быть признано длящимся нарушением, поскольку по факту такая реклама будет распространяться и после вступления закона в силу [10]. Так, в ответ на обращение саморегулируемой организации в сфере рекламы «Ассоциация Блогеров и Агенств», ФАС России опубликовало информационное письмо, в котором указано, что опубликование рекламы на запрещенных интернет-ресурсах до 1 сентября 2025 года не содержит в себе состава административного правонарушения, за исключением случаев, когда к опубликованной рекламе применяются действия, направленные на ее распространение или повторное распространение после 1 сентября 2025 года. Тем самым, ФАС поставил точку в определении правовой природы рекламы на запрещенных платформах.

В связи с возросшей потребностью к правильному пониманию и толкованию норм рекламного законодательства, и увеличением числа юристов-практиков, занимающихся юридическим сопровождением договоров рекламодателей и рекламодателей, рекламное право приобретает все больший интерес с точки зрения его правовой природы. Рекламное право как таковое не является обособленной отраслью права. Классический подход в научной литературе основывается на отнесении рекламного права в состав гражданского законодательства, притом авторы рассматривают рекламу через призму договорных обязательств и потому она должна регулироваться в частности п. 1 ст. 770 Гражданского кодекса РФ [5, с. 337]. Однако, при

возникновении споров, при их разрешении в судебном порядке, рекламному законодательству предшествует административное регулирование [2]. Примером тому могут послужить вступившие 1 сентября 2023 года нормы об ответственности за неисполнение требований о передачи информации об интернет-рекламе в единую систему учета и за распространение рекламы в интернете без идентификатора. Информация о рекламе предоставляется рекламоделателями, рекламораспространителями, операторами рекламных систем в Роскомнадзор. Немаловажным аспектом является также введение с 1 апреля 2025 года обязательного сбора 3% за распространение рекламы в интернете. Сбор обязаны уплачивать все лица, участвующие в рекламе: рекламоделатели, рекламораспространители, операторы рекламных систем и посредники (за исключением СМИ, телеканалов мультимплексов, телерадиовещателей и некоторых сетевых изданий). Сбор взимается не с общей выручки, а только с рекламных доходов за квартал (без НДС). Сбором не облагаются услуги по созданию рекламы, медиапланирование, социальная реклама и вознаграждение заказчиков. Такой лояльный подход законодателя обуславливается принципом экономической обоснованности налогов, закрепленном в ст. 3 Налогового кодекса РФ [8]. Применение налогового законодательства к распространению информации, попадающей под цели рекламы, опять же позволяет ставить вопросительный знак в отнесении рекламного права к одной из отраслей права. Исходя из разных подходов законодателя к регулированию рекламы и экономических отношений, складывающихся по поводу той же самой рекламы, можно сделать вывод, что на сегодняшний день не сформирован единый подход к определению повсеместно встречающегося понятия «реклама» и перспективно развивающейся подотрасли «рекламное право», однако перевес в определении данных категорий все же остается за гражданским законодательством.

На сегодняшний день правовое регулирование рекламы сводится главным образом к Федеральному закону «О рекламе», немногочисленным Постановлениям Правительства РФ и практике ФАС и Роскомнадзора. На

данном этапе не выработан единый законодательный и теоретико-правовой подход по поводу отнесения рекламного права к определенной отрасли права, притом на данном этапе нельзя предвидеть, какова будет тенденция к регулированию данного явления: введение большего числа императивных, либо же диспозитивных норм, учитывая тот факт, что регулирование будет строиться исходя из внутренней экономической и внешней политики страны.

Принятие поправок в области рекламного законодательства является всего лишь одним из направлений реализации государственной политики в области защиты своих внутренних интересов в информационном поле от вмешательства недружественных государств, а введение обязательного трехпроцентного сбора за рекламу в интернете является как эффективным дополнительным способом стимулирования государственного бюджета, так и реализации прав граждан на достоверную информацию о рекламируемых товарах (работах, услугах). Другая проблема заключается в ограничении дохода хозяйствующих субъектов, однако, введение сбора только за реализуемую посредством рекламы продукцию является наиболее верной стратегией для решения первоочередных задач, стоящих перед страной в условиях напряжённой международной обстановки.

Изменения законодательства о рекламе коснулись абсолютное большинство профессиональных участников оборота, что послужило причиной нарастающего ажиотажа и интереса к рекламному праву, как к подотрасли права с точки зрения обсуждения вопросов законодательства о рекламе на теоретическом уровне, так и с точки зрения изучения практикующими юристами данной подотрасли в целях самореализации в профессиональной сфере. Законодательство о рекламе не является окончательным и доведённым до идеала с точки зрения урегулирования конфликта интересов между хозяйствующими субъектами с одной стороны и государства с другой, плюсом ко всему исходя из специфики сети «Интернет» и возможности появления в ней дополнительных функций и средств размещения информации, пробелы в законодательстве заполняются практикой

Федеральной антимонопольной службы и Роскомнадзора. Поэтому, рассматривая рекламу как явление, закреплённое в законодательстве относительно недавно и формирующееся под влиянием внешней и внутренней политики государства, можно сделать вывод, что потребность среди индивидуальных предпринимателей и юридических лиц по вопросам поиска юристов, специализирующихся на вопросах рекламы, будет только возрастать применительно как к договорным отношениям, урегулированным гражданским законодательством, так и по вопросам административного регулирования. Исходя из всего вышеперечисленного, рекламное право является перспективным направлением изучения как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Библиографический список использованных источников

1. База решений и правовых актов. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/komi-ufas-rossii/cd0e316d-bfa4-4fce-9dd9-43cbbc94cebc/> (дата обращения: 20.09.2025).
2. Бреус С.Б., Ларченко Е.П. Понятие рекламы как объекта информационного права, её виды и модели // Царскосельские чтения 2010. № XIV.
3. Бурдукова В.С. Репост. URL: <https://bigenc.ru/c/repost-f9be65> (дата обращения: 20.09.2025).
4. Дроздова А.В. Понятие и содержание услуги как объекта гражданских прав // Сибирский юридический вестник. 2003. – № 1. – с. 39-43.
5. Зрайченко Е.А. Понятие и правовая сущность рекламы // Экономика и социум. 2020. – № 4. – (71). – с. 335-338.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред.от 31.07.2025) // Российская газета, № 256, 31.12.2001.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> 06.10.2022.

8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 «146-ФЗ (ред.от 29.11.2024) // Российская газета, № 148-149, 06.08.1998.
9. Постановление Правительства РФ от 24.07.2025 № 1087 «Об утверждении критериев отнесения к рекламе информации, распространяемой на отдельных информационных ресурсах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Собрание законодательства РФ 28.07.2025, № 30 (часть III), ст. 4590.
10. ФАС просят прояснить, будет ли взиматься штраф за уже размещенную рекламу в Instagram. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/540901-fas-prosat-poasnit-budet-li-vzimat-sa-straf-za-uze-razmesennuu-reklamu-v-instagram> (дата обращения: 20.09.2025).
11. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // Российская газета, № 162, 27.07.2006.
12. Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Российская газета № 302, 29.12.2012.
13. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред.от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 20.03.2006 № 12, ст. 1232.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.58

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РФ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Юхтарова Мария Сергеевна,

студент 2 курса

НИУ «ВШЭ»,

г. Москва, Россия,

maria_maria2006@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается конституционно-правовой статус Государственного Совета РФ после изменений 2020 года. Анализируются исторические предпосылки создания органа, его задачи и функции в системе публичной власти. Автор исследует преимущества и недостатки деятельности Госсовета, сравнивает его с аналогичными институтами в зарубежных странах и предлагает пути совершенствования для повышения эффективности его работы.

Ключевые слова: государственный совет, конституция, публичная власть, государственный орган, международные аналоги, основной закон, государственное управление, совещательный орган.

Государственный Совет Российской Федерации играет важную роль в системе публичной власти страны. Актуальность темы исследования связана с существенными изменениями роли Государственного Совета РФ после принятия поправок в Конституцию в 2020 году. Включение данного органа в Основной закон страны и принятие федерального закона, который

регламентирует его деятельность, говорит о возрастающей значимости Государственного совета.

Цель исследования — определить, какую роль играет Государственный Совет РФ в системе публичной власти и выявить его место в обеспечении согласованного взаимодействия органов, входящих в эту систему. Среди основных задач исследования можно выделить изучение появления и исторического развития Государственного Совета РФ, анализ конституционно-правового положения органа, выявление преимуществ и недостатков функционирования Государственного Совета, изучение опыта в области создания аналогичных органов государственной власти в зарубежных странах и формулирование предложений по совершенствованию правового регулирования и деятельности Государственного Совета РФ.

Для более глубокого анализа темы были выбраны частнонаучные методы, часто используемые в исследованиях юридического характера. Во-первых, это историко-правовой метод, необходимый для изучения исторической эволюции Государственного Совета. Во-вторых, формально-юридический - для анализа нормативно-правовых актов и судебной практики. Кроме того, большое внимание уделяется сравнительно-правовому методу (при исследовании зарубежного опыта), системному (при определении места Государственного Совета в системе публичной власти) и аналитическому (при выявлении преимуществ и недостатков функционирования органа) методам.

Предметом исследования является конституционно-правовой статус, полномочия и деятельность Государственного Совета РФ как совещательного органа в единой системе публичной власти.

Для начала обратимся к определению Государственного Совета РФ, данному в Федеральном законе от 08.12.2020 №394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации». Итак, Государственный Совет — конституционный государственный орган, формируемый Президентом Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему

публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства [4].

Говоря об истории Государственного Совета РФ, нужно отметить, что он имеет достаточно глубокие корни. Впервые Совет неперенный (аналог Государственного) был учрежден в 1810 году императором Александром I как высший законосовещательный орган Российской империи, что указано в его Манифесте [2]. Согласно проекту Сперанского, которому было поручено разработать реформу всей системы государственных органов, «вершину всей государственной организации и её последнее звено» должен был составлять Государственный Совет [8]. В 1905 году Государственный совет преобразовали в верхнюю палату российского парламента, а после Февральской революции 1917 года он прекратил свое существование. Ныне действующий орган был образован 1 сентября 2000 года в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина. В том же году состоялось первое заседание, на котором Президентом было озвучено, что «Госсовет должен стать политическим органом стратегического назначения, давать вектор развития, но не подменять собой парламент или правительство» [5], и это является кардинальным отличием этой структуры от других государственных органов.

В. В. Путин предложил в своем Послании закрепить статус Государственного Совета в Конституции РФ. В 2020 году в статью 83 было включено полномочие Президента формировать Государственный Совет РФ [7]. С этого момента Государственный Совет получил конституционно-закрепленный статус. В ФЗ № 394-ФЗ сформулированы основные задачи и функции данного конституционного органа. Проанализировав и обобщив их, можно сделать вывод о том, что Государственный Совет в первую очередь оказывает содействие Президенту РФ по приоритетным вопросам государственной политики, подготавливает предложения по важнейшим вопросам государственного строительства, местного самоуправления и

взаимодействия РФ, субъектов РФ и муниципальных образований. Кроме того, Госсовет рассматривает проекты нормативно-правовых актов общегосударственного значения и обсуждает вопросы, касающиеся федерального бюджета и кадровой политики РФ.

Безусловно, Государственный Совет служит площадкой для координации деятельности федеральных и региональных органов власти для более эффективной реализации единой государственной политики на всей территории страны. Участие глав субъектов РФ в работе Государственного Совета позволяет учитывать их мнение и усиливает роль регионов в принятии государственных решений. Кроме того, Государственный Совет РФ, будучи органом, непосредственно связанным с Президентом РФ, может быстрее реагировать на возникающие проблемы, минуя длительные бюрократические процедуры. Наличие такого органа государственной власти повышает эффективность стратегического планирования и способствует более системному подходу к государственному управлению. Также стоит упомянуть, что Указом Президента [10] и в соответствии с частью 3 статьи 11 Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации», создана 21 комиссия Государственного Совета, которые регулируют все общественные сферы: экономику, семью, транспорт, молодежь, сельское хозяйство, туризм и др. Комиссии и рабочие группы Госсовета формируются по проблемному принципу, что позволяет им сосредоточиться на решении конкретных задач, а значит повысить качество принимаемых решений в той или иной области.

Однако, говоря о недостатках и критике со стороны научного юридического сообщества, стоит отметить, что компетенция Государственного Совета РФ частично пересекается с полномочиями Правительства РФ, Парламента и иных органов, что может приводить к дублированию и размыванию границ ответственности. Несмотря на конституционное закрепление, полномочия Государственного Совета прописаны довольно обобщенно, что создает некую неопределенность в

системе публичной власти. Помимо того, формирование состава и определение направлений работы Государственного Совета РФ находятся в руках главы государства, что может привести к доминированию исполнительной ветви власти и нарушению системы «сдержек и противовесов». Также изучив официальные источники, социальные сети и иные СМИ в сети Интернет, мной было найдено достаточно малое количество информации о деятельности Государственного Совета РФ, что может говорить о недостаточной прозрачности работы данного органа для общества и о снижении уровня доверия населения к публичной власти.

Очевидно, что вопрос о месте и роли Государственного Совета РФ в системе государственной власти остается довольно сложным и трудноразрешимым в конституционном праве. С одной стороны, он не входит в классическую систему разделения властей, где есть законодательная, судебная и исполнительная ветви, но с другой — обладает существенным влиянием на формирование государственной внутренней и внешней политики. Мне кажется, что особа значима и важна роль Государственного Совета в обеспечении взаимодействия федерального центра и субъектов РФ как единой площадки для обсуждения вопросов общегосударственного значения.

Обратившись к научной литературе и множеству нормативно-правовых актов и судебных решений зарубежных стран, можно прийти к выводу о том, что практика создания подобных органов власти имеет место во многих странах мира. Начать стоит с Франции. Французский Государственный совет, созданный Наполеоном в 1799 году, является одним из старейших и авторитетных государственных органов подобного типа. В отличие от российского Совета, он выполняет 3 основные функции: является высшим административным судом, выступает в качестве юридического консультанта правительства и проводит исследовательскую работу по любым вопросам административного права [9]. В своей статье «Какова роль Государственного совета в подготовке законодательства», опубликованной в журнале «Международное и сравнительное право», Джон Белл пишет о том, что

французский Государственный совет занимает особое место в конституционном устройстве, обеспечивая правовую экспертизу законопроектов и выступая гарантом законности административных действий [11].

Государственные Советы также есть в Испании и Нидерландах. «Consejo de Estado» в Испании является высшим консультативным органом правительства, история которого тянется еще с 16 века. Согласно Органическому закону 3/1980 [1, с. 375], Госссовет Испании консультирует правительство по вопросам конституционности и законности проектов нормативных актов и административных решений. В Нидерландах же «Raad van State» — старейший государственный орган страны, который является как высшим административным судом, так и независимым советником правительства и парламента по вопросам законодательства и управления. Согласно Конституции Королевства Нидерландов, все законопроекты и международные договоры должны проходить оценку Госссовета перед их представлением в парламент [6].

Довольно сильно от российского и европейских Государственных советов отличается Государственный Совет КНР. Он представляет собой высший исполнительный орган, является центральным элементом системы управления и обеспечивает координацию деятельности всех органов власти [3]. Государственный Совет КНР входит в систему органов государственной власти наряду с Всекитайским собранием народных представителей (законодательная ветвь власти) и его Постоянным комитетом, в отличие от Госссовета РФ.

Анализируя же роль Госссовета РФ в единой системе публичной власти, необходимо отметить, что этот орган представляет собой определенную инновацию в российской конституционной практике. Возможно, создание Государственного Совета в России стало попыткой поиска оптимальной модели системы публичной власти в условиях федеративного устройства государства. На мой взгляд, закрепление данного органа в Конституции РФ

отражает потребность к формированию более эффективной системы государственной власти. Особенно важным является потенциал Госсовета в решении проблемы ассиметричного российского федерализма. Включение глав всех субъектов РФ в состав данного конституционного органа создает равенство регионов в процессе принятия решений государственной важности.

По моему мнению, Государственный Совет РФ имеет все же больше преимуществ, нежели недостатков. Для успешного устранения проблем в функционировании Госсовета необходимо более четкое законодательное разграничение компетенции органа, а также дарование ему полномочия вынесения не только рекомендаций, но и решений, несущих юридически обязывающий характер в некоторых сферах. Еще интересен вопрос о легитимности Государственного Совета РФ. Поскольку этот орган не избирается, а формируется только Президентом РФ, важно обеспечить его прозрачность работы и сформировать механизмы общественного контроля за его деятельностью. Публичные отчеты и общественные обсуждения могли бы повысить доверие к этому конституционному институту.

Сравнивая российский Государственный Совет с аналогичными органами из других стран, можно заметить как определенные сходства, так и существенные различия, которые можно обосновать различной формой государственного устройства и историко-культурными аспектами. В перспективе роль Госсовета РФ в системе публичной власти может измениться в сторону усиления его влияния на процессы стратегического планирования, учитывая современные вызовы в сфере экологических проблем и цифровизации.

Таким образом, Государственный Совет РФ представляет собой перспективный, но все еще формирующийся институт в системе публичной власти, который имеет ряд преимуществ и успешные аналоги в международной практике. Необходимо продолжать развивать данный институт и совершенствовать правовое регулирование его деятельности.

Библиографический список использованных источников

1. Бригадин И. И. Роль правительства в процессе имплементации европейского права в Испании // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2013. №1 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pravitelstva-v-protssesse-implementatsii-evropeyskogo-prava-v-ispanii> (дата обращения: 21.06.2025).
2. Высочайшее повеление "Манифест Императора Александра I об образовании Государственного Совета" от 01.01.1810 // Фонд Именные указы и "Высочайшие" повеления Сенату.
3. Госсовет КНР // Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/tags/organization/gossovet_knr.shtml (дата обращения: 21.06.2025).
4. Закон Российской Федерации "Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации»" от 08.12.2020 № 394-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2020 г. - Ст. 3
5. Ко второй годовщине образования Государственного Совета Российской Федерации // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20020901/216428.html> (дата обращения: 21.06.2025).
6. Конституция Королевства Нидерландов // Legal NS URL: <https://legalns.com/download/books/cons/netherlands.pdf> (дата обращения: 21.05.2025).
7. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет– портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.06.2025)
8. Образован Государственный Совет Российской империи // ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина» URL: <https://www.prilib.ru/history/618938> (дата обращения: 21.06.2025).
9. Ордонанс Франции № 45-1708 от 31.07.1945 "О Государственном совете" // Библиотека Пашкова URL: <https://constitutions.ru/?p=24848> (дата обращения: 21.06.2025).

10. Указ Президента Российской Федерации "О комиссиях Государственного Совета Российской Федерации по направлениям социально-экономического развития Российской Федерации и их председателях " от 22.07.2024 № 613 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2024
11. Bell, John. What is the Function of the Conseil d'Etat in the Preparation of Legislation? (англ.) // The International and Comparative Law Quarterly: journal. — 2000. — Vol. 49, no. 3. — P. 661 672. — JSTOR 761401.; with a comparison to the procedures used in the Government of the United Kingdom

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 347.72

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

Лушникова Елена Юрьевна,

студентка 2 курса

ФГБОУ ВО

«Саратовская государственная юридическая академия»,

Институт магистратуры и заочного обучения,

г. Саратов, Россия,

pegas78@inbox.ru

Аннотация: статья посвящена вопросам наследования специфических видов имущества, среди которых выделяется доля в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (далее по тексту ООО). В настоящей статье анализируются особенности наследования долей в уставном капитале ООО, правовая природа доли как объекта гражданских прав, представляющего комплекс корпоративных прав, включая право на участие в управлении и получение прибыли, проблемам статуса наследника, исследуются вопросы перехода прав.

Ключевые слова: наследование, общество с ограниченной ответственностью, уставной капитал, доли, корпоративное право.

По состоянию на 1 июня 2025 года в России зарегистрировано 2 505561 млн. Обществ с ограниченной ответственностью (далее по тексту ООО) и, если анализировать данные статистики Федеральной налоговой службы России, усматривается, что это одна из самых популярных форм

образования юридического лица в нашей стране [3]. Вместе с тем, несмотря на популярность данной формы, многие правовые аспекты и, в частности, аспекты наследования доли в уставном капитале ООО остаются недостаточно урегулированными, порождая определенные сложности.

Основой правового регулирования наследования доли в уставном капитале ООО служат Гражданский кодекс Российской Федерации (далее по тексту ГК РФ) и Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее по тексту Федеральный закон № 14-ФЗ, Закон).

Доля в уставном капитале, как объект гражданских прав, представляет собой комплекс имущественных и неимущественных прав, включающих право на участие в управлении обществом и получение части прибыли. Согласно позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, доля в ООО относится к категории «иное имущество» в соответствии со статьей 128 ГК РФ [1], что подразумевает совокупность корпоративных правомочий, таких как управление делами общества и получение дивидендов [10]. Данная позиция повторяется в судебной практике по гражданским делам и арбитражным спорам [13].

Эта правовая природа также подтверждается мнением учёных, таких как А.А. Кирсанова, которая подчёркивает, что доля выражает субъективное право особого рода, связанное с участием в управлении обществом [4].

Наследование доли в уставном капитале ООО осуществляется в порядке универсального правопреемства по закону или завещанию. Наследник может либо стать полноправным участником общества, приобретая все права и обязанности, связанные с долей, либо получить действительную стоимость доли в случае, если устав общества ограничивает переход доли к наследникам. Федеральный закон № 14-ФЗ (статья 21) [7] предоставляет участникам ООО право устанавливать в уставе необходимость согласия на переход доли к третьим лицам, включая

наследников, либо полностью исключать такую возможность.

Судебная практика [9] подтверждает, что наследник приобретает статус участника общества только после получения такого согласия, если оно предусмотрено уставом, что вытекает из системного толкования статьи 21 Закона и статьи 1152 ГК РФ [2]. Ключевой проблемой является правовой статус наследника в период между открытием наследства и получением согласия участников общества на переход доли. Этот вопрос имеет существенное значение, поскольку от него зависит возможность наследника получать дивиденды за указанный период и действительность решений, принимаемых на общем собрании участников.

В научной среде существует мнение о необходимости разделения перехода самой доли, которая происходит с момента открытия наследства независимо от согласия участников, и перехода прав на долю, зависящего от такого согласия [5, с. 170-175].

Однако подобное разделение представляется искусственным, так как доля в уставном капитале сама по себе является комплексом корпоративных прав, и выделение отдельных «прав на право» не позволяет решить поставленные вопросы. Судебная практика [12], напротив, признаёт право наследника на получение дивидендов за период с момента открытия наследства до рассмотрения вопроса об одобрении перехода доли, даже если участники приняли отрицательное решение. Это подтверждает, что имущественные права, включая право на часть нераспределённой прибыли, переходят к наследнику независимо от одобрения.

Вместе с тем неимущественные права, такие как участие в управлении обществом, наследник получает только после одобрения перехода доли. В период до получения согласия в отношении доли может быть учреждено доверительное управление, что позволяет обществу продолжать предпринимательскую деятельность без блокировки управленческих процессов [6].

Существуют Методические рекомендации [8], согласно которым нотариус назначает доверительного управляющего после открытия наследства, что обеспечивает возможность принятия управленческих решений до определения круга наследников. Исключением является право наследника на информацию о деятельности общества, которое предоставляется даже при отказе в одобрении перехода доли, но лишь в объёме, необходимом для расчёта действительной стоимости доли.

Переходя к иным практическим сложностям, следует указать, что особую проблему представляет оценка действительной стоимости доли, переходящей в порядке наследования. Так, например, достаточно проблемной является практика выплаты наследникам заниженной стоимости доли. Подобные действия со стороны общества направлены на защиту его материальных интересов, однако они вступают в противоречие с правами наследников, которые стремятся получить компенсацию, соответствующую рыночной стоимости доли.

Судебная практика иллюстрирует данную проблему на примере дела, в котором наследнику была предложена стоимость доли в размере 6,2 миллиона рублей. Не согласившись с указанной оценкой, наследник обратился в суд с требованием провести независимую экспертизу. Суд признал результаты экспертного исследования достоверными, после чего стоимость доли была переоценена и составила 21 миллион рублей [11]. Данный случай подчёркивает риск существенных финансовых потерь для наследника, который мог бы согласиться с первоначальной заниженной оценкой, лишившись значительной части потенциальной выгоды.

Сложность разрешения подобных ситуаций обусловлена отсутствием эффективного и прозрачного механизма оценки действительной стоимости доли в уставном капитале ООО.

Кроме того, в законодательстве недостаточно проработаны меры ответственности хозяйствующих субъектов за ущемление имущественных прав наследников, что затрудняет защиту их интересов и способствует

возникновению конфликтов между обществом и наследниками.

Таким образом, наследование доли в уставном капитале ООО представляет собой сложный процесс, регулируемый нормами корпоративного и наследственного права.

Приведенные примеры из судебной практики показывают, что правовые нормы в данной части требуют пристального внимания и дополнительной доработки.

Библиографический список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федер. закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. Данные по формам статистической налоговой отчетности. – Текст электронный // Федеральная налоговая служба: Официальный сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/15764462/ (дата обращения: 29.06.2025).
4. Кирсанова А.А. Особенности распоряжения супругами долями в обществе с ограниченной ответственностью // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2022. - № 10. - С. 48 - 52.
5. Мамбетова А. Ю. Особенности наследования долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью / А. Ю. Мамбетова, К. Е. Лиморенко // Актуальные проблемы частного права в Российской Федерации: VII ежегодная Всероссийская студенческая научно-практическая конференция, Симферополь, 27

марта 2025 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2025. – С. 170-175.

6. Могилевский Г.А. Особенности наследования доли участника общества с ограниченной ответственностью: правовой аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2024. - №10-5 (97). – С. 145-147.

7. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. – 16 февраля. - № 7.

8. О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью: методические рекомендации (утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 29.05.2010) // СПС «Консультант Плюс».

9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06 июня 2023 г. по делу № № А83-18084/2020. – Текст электронный // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/35704e5d-cef7-44b5-8020-349598e036ea/3b57223c-d716-4a57-8e24-1c91516cabec/A83-18084-2020_20230606_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.07.2025).

10. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.12.2011 № 10107/11 по делу № А12-8057/2010 // СПС «Консультант Плюс».

11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 марта 2020 г. по делу № А41-75595/18 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Решение Арбитражного суда города Москвы от 30 июля 2020 г. по делу № А40-321025/2019. – Текст электронный // Судебные и нормативные акты. URL:

<https://sudact.ru/arbitral/doc/AmBaxdDIZqH1/> (дата обращения: 02.07.2025).

13. Решение Арбитражного суда города Москвы от 16 июня 2023 г. по делу № А40-6883/2023. – Текст электронный // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/YyvoqRJl6h11/> (дата обращения: 03.07.2025).

УДК 347.72

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НАСЛЕДОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ

Лушникова Елена Юрьевна,

студентка 2 курса

ФГБОУ ВО

«Саратовская государственная юридическая академия»,

Институт магистратуры и заочного обучения,

г. Саратов, Россия,

pegas78@inbox.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию понятия и правовой природы наследования корпоративных прав в контексте российского законодательства. Рассматривается сущность корпоративных прав как комплекса имущественных и неимущественных прав, связанных с участием в хозяйственных обществах, товариществах и кооперативах. Особое внимание уделяется пробелам в регулировании, включая отсутствие чёткой концепции корпоративных прав, сложности оценки стоимости долей и ограничения, установленные уставами. Статья подчёркивает необходимость совершенствования законодательства для устранения правовой неопределённости.

Ключевые слова: наследование, корпоративное право, имущественное

право, хозяйственные общества, правопреемство, уставный капитал.

Развитие экономических отношений и активное участие граждан в предпринимательской деятельности обуславливают логичный рост интереса к наследованию корпоративных прав, включающих доли, паи и акции в хозяйственных обществах, товариществах и кооперативах. Вместе с тем, правовое регулирование этого процесса является достаточно противоречивым и фрагментарным, что связано с отсутствием единой концепции корпораций и корпоративных прав в российском законодательстве. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее по тексту ГК РФ) определяет корпоративные права как часть наследственной массы, охватывающей имущество, включая имущественные права и обязанности, но их сущность и содержание раскрываются недостаточно чётко.

Корпоративные права представляют собой комплекс имущественных и неимущественных правомочий, связанных с участием в управлении юридическим лицом и получением прибыли. Подчёркивается наличие имущественных прав, таких как право на дивиденды, неимущественных прав, включая участие в голосовании на собраниях, и специфических преимущественных прав [4, с. 120-121].

Согласно статье 65.1 ГК РФ, корпорации характеризуются правом членства, наличием уставного капитала, разделённого на доли или акции, и управленческими полномочиями, реализуемыми через органы управления, такие как общее собрание [1]. Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ [5] разделяет корпорации на публичные, чьи акции обращаются открыто, и непубличные, для которых характерны ограничения на выпуск и обращение ценных бумаг, что отражается в учредительных документах и Едином государственном реестре юридических лиц. Юридический статус непубличных акционерных обществ сближается с обществами с ограниченной ответственностью

(далее по тексту ООО), что свидетельствует о конвергенции их правового регулирования.

Наследование корпоративных прав осуществляется в порядке универсального правопреемства, как указано в статье 1176 ГК РФ [2], и предполагает переход доли, пая или акций к наследнику, который может стать участником юридического лица или получить компенсацию их стоимости. Однако уставы юридических лиц могут предусматривать необходимость согласия участников на вступление наследника, а в некоторых случаях полностью исключать такую возможность. Например, в ООО, согласно статье 21 Федерального закона № 14-ФЗ [6], переход доли к наследнику требует согласия других участников, если это закреплено в уставе. В полных товариществах, в соответствии со статьёй 78 ГК РФ, наследник может стать участником только при наличии статуса индивидуального предпринимателя или коммерческой организации, что ограничивает круг потенциальных правопреемников.

Следует отметить, что значительной проблемой является отсутствие чёткого механизма оценки действительной стоимости наследуемой доли или пая. Статья 1115 ГК РФ указывает на необходимость определения рыночной стоимости, однако законодательство не устанавливает единообразной процедуры. В случае производственных кооперативов стоимость пая определяется на основе баланса на день смерти наследодателя с учётом долгов юридического лица, но практическое применение этой нормы вызывает сложности.

Отсутствие прозрачного порядка оценки приводит к конфликтам между наследниками и юридическими лицами, особенно когда устав предусматривает ограничения на переход прав.

Кроме того, особую сложность представляет ситуация, когда наследодатель являлся единственным участником общества. В таких случаях законодательство не регулирует порядок получения согласия на вступление наследника, так как другие участники отсутствуют, что

исключает возможность как одобрения, так и отказа. Это препятствует реализации права наследника на вступление в общество или получение компенсации [3, с. 137-139].

Для устранения данной проблемы представляется целесообразным закрепить в законодательстве норму, предоставляющую наследнику право выбора между вступлением в юридическое лицо и отказом от такого вступления, основанное на его волеизъявлении.

Недостатки правового регулирования также связаны с нечётким определением имущества в контексте наследования. Статья 1112 ГК РФ включает в наследственную массу вещи, имущественные права и обязанности, но не уточняет статус корпоративных прав как особого объекта. Предлагается дополнить указанную статью положением, прямо включающим корпоративные права, связанные с участием в хозяйственных обществах, товариществах и кооперативах, в состав наследства, с указанием их имущественного и неимущественного характера. Это позволило бы устранить правовую неопределённость и упорядочить гражданский оборот.

Таким образом, наследование корпоративных прав представляет собой сложный процесс, зависящий от организационно-правовой формы юридического лица и положений его устава. Пробелы в законодательстве, включая отсутствие чёткой концепции корпоративных прав, неурегулированность процедуры оценки стоимости и ограничения на вступление наследников, подчёркивают необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования для обеспечения баланса интересов наследников и юридических лиц.

Библиографический список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024)

// Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федер. закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

3. Зорькина А. Ю., Синецкая А. Е. Некоторые аспекты правового регулирования наследования корпоративных прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2021. - №2-2. – С. 137-139.

4. Крамар Н. П. К вопросу об особенностях наследования корпоративных прав / Н. П. Крамар. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 38 (485). — С. 120-121.

5. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. – 2014. – 7 мая. - № 101.

6. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. – 16 февраля. - № 7.

УДК 347.61

ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Погодаева Мария Михайловна,
студентка 3 курса 40.03.01 Юриспруденция,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар, Россия,
mariapogodaeva364@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые теоретические и практические вопросы, связанные с институтом лишения родительских прав в семейном праве России. Автор анализирует законодательно установленные основания лишения родительских прав, дана сравнительная характеристика института лишения и ограничения родительских прав, а также рассматриваются допущенные законодателем ошибки при регулировании данного института Семейного кодекса и иных нормативных актов.

Ключевые слова: родительские права, лишение родительских прав, жестокое обращение, алименты, психическое насилие, дети.

Актуальность доктринального рассмотрения института лишения родительских прав связана с тем, что сама структура общества основана на взаимодействии между его членами, а семья, как основополагающая ячейка,

играет центральную роль в формировании личности и ее социального статуса. Семья - это не только место любви и поддержки, но и конфликтов интересов, недопонимания и иногда насилия. Напряженность в отношениях, ослабление моральных ценностей и стрессовые обстоятельства, включая экономические трудности, могут привести к возникновению глубоких проблем, которые требуют юридического вмешательства. В этом контексте вопросы, связанные с брачно-семейными отношениями, всегда остаются актуальными, так как они затрагивают не только простое столкновение интересов, но и важные этические, правовые и социальные аспекты. Правоприменительная практика иллюстрирует нарастающую тенденцию к злоупотреблению родительскими правами и недобросовестным выполнением родительских обязанностей. К сожалению, случаи, когда один из родителей нарушает права другого или пренебрегает обязанностями по отношению к детям, становятся все более распространенными.

В современных реалиях лишение родительских прав воспринимается как крайнее средство, применяемое государственными органами для защиты интересов ребенка. Данный шаг представляет собой серьезное вмешательство в частную жизнь семьи и должен рассматриваться в контексте комплексного подхода к решению проблем, которые возникли в семье ребенка. Как отмечает К.Н. Епкина, прежде чем прийти к подобной мере, государственные органы должны инициировать многоступенчатую работу с семьей, цель которой заключается в выявлении деструктивных факторов, негативно влияющих на развитие ребенка [2, с. 362].

Черкасовой Е.В. подчеркивается важность понимания родительских прав как комплексной совокупности, которая включает не только права, предоставляемые родителям, но и обязательства, которые они берут на себя перед своими детьми [7, с. 368]. Одной из главных обязанностей родителей является защита жизни и здоровья своего ребенка. Это не только физическое здоровье, но и духовное и психическое благополучие. Родители должны

обеспечивать поддерживающую и безопасную среду для роста и развития своих детей.

Статьей 69 СК РФ [6] к основаниям лишения родительских прав отнесены: уклонение от выполнения обязанностей родителей, злостное уклонение от уплаты алиментов; отказ без уважительных причин взять ребенка из медицинской, образовательной, социальной организаций и т. п.; злоупотребление правами; жестокое обращение, в том числе физическое или психическое насилие; хронический алкоголизм или наркомания; совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи. Перечень исчерпывающий и не подлежит расширительному толкованию, лишение возможно при наличии одного из перечисленных выше оснований.

Разграничение между лишением и ограничением родительских прав предстает как важный аспект правовой системы, поскольку обе меры имеют разные цели и последствия для родителей и детей. Когда речь идет о лишении родительских прав, это ведет к полному прекращению всех прав и обязанностей родителя в отношении своего ребенка. Это означает, что родитель утрачивает возможность не только воспитывать и заботиться о своем ребенке, но и представлять его интересы в юридических и иных вопросах. Ограничение родительских прав подразумевает временную утрату определенных прав и обязанностей. Ограничение может быть установлено судом на определенный срок, по истечении которого родитель может вернуть свои права, если продемонстрирует исправление своих недостатков или изменений в обстоятельствах.

Институт лишения родительских прав имеет в себе проблему, которая была выявлена в результате правоприменительной практики. Так, Леканова Е.Е. говорит о проблеме невозможности выхода судом за пределы заявленных требований при рассмотрении дела [4, с. 105]. Сущность проблемы состоит в том, что в ходе рассмотрения дела суд может выявить основания, которые прямо указывают на необходимость лишения родительских прав, но истец

ограничивается лишь иском о частичном ограничении этих прав, что приводит к необходимости судом руководствоваться при принятии решения не интересами ребёнка, а процессуальными ограничениями при рассмотрении иска. Аналогичная проблема возникает и при обратной ситуации, когда суд находит достаточные основания для ограничения прав, но истцом было заявлено требование о лишении прав.

Как показывает судебная практика, суды иногда действительно сталкиваются с ситуациями, когда в ходе разбирательства появляются веские основания для изменения меры семейно-правовой ответственности. Например, в решении Кировского районного суда города Ярославля от 18.06.2020 дела № 2-81/2020 [3] по иску территориальной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Кировского района городского округа города Ярославля об ограничении в родительских правах к родителям девочки было установлено, что родители, страдающие хроническим алкоголизмом, ненадлежащим образом исполняли свои родительские обязанности по отношению к девочке. Несмотря на наличие оснований в виде лишения родительских прав, предусмотренных ст. 69 СК РФ, из-за того, что исковое заявление территориальной комиссии содержало требование об ограничении родительских прав, суд был вынужден принять более мягкое решение, чем того заслуживала ситуация.

Леканова Е.Е. говорит о необходимости законодательного закрепления для судов права выходить за пределы исковых требований в случаях обнаружения оснований для лишения или ограничения родительских прав. При этом, ряд авторов выступают против наделения судами таких возможностей. Например, Бойко Е.Ю. подчёркивает риски, связанные с нарушением принципа диспозитивности процесса при расширении оснований суда для выхода за пределы исковых заявлений [1, с. 40].

Я склонна согласиться с позицией о необходимости законодательного закрепления за судами права выхода за пределы исковых требований, если в ходе судебного разбирательства были обнаружены основания для лишения

или ограничения родительских прав. В процессе судебного разбирательства выявляются обстоятельства, которые могут существенно повлиять на судьбу несовершеннолетних, например, факты, указывающие на потенциальную угрозу для их благополучия и безопасности. Если суд имеет возможность выявить такие основания, но не может принять меры до тех пор, пока они не будут заявлены в иске, это может привести к задержкам или, что еще хуже, к решениям, которые не отвечают интересам детей.

Следует согласиться с Малкиным О.Ю., который указывает на то, что в интересах законодателя закрепить в процессуальных актах возможность выхода за пределы исковых требований для защиты прав и свобод граждан [5, с. 48]. На мой взгляд, данная формулировка в результате расширительного толкования действительно может негативно повлиять на диспозитивность процесса, однако важно отметить, что суд необходимо наделять теми полномочиями, которые будут способствовать защите участников самого процесса. Закрепление данной нормы позволит судам более эффективно защищать права и интересы несовершеннолетних, предоставляя возможность применять необходимые меры сразу же при выявлении угрозы, а не дожидаться, пока истец сформулирует соответствующие требования.

Библиографический список использованных источников:

1. Бойко Е. Ю. Выход суда за пределы заявленных требований в гражданском процессе // Евразийский союз ученых. 2020. № 10-8(79). С. 35-41.
2. Епкина К. Н. Правовые последствия лишения родительских прав // Проблемы совершенствования российского законодательства: Сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов, Барнаул, 10–14 апреля 2023 года. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2024. – С. 362-364.
3. Заочное решение Кировского районного суда города Ярославля от 18.06.2020 по делу № 2-81/2020 // СПС «КонсультантПлюс»

4. Леканова Е. Е. Теоретические и правоприменительные аспекты лишения и ограничения родительских прав // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 2(135). С. 103-110.
5. Малкин О. Ю. Выход суда за пределы заявленных требований при рассмотрении дел из гражданских, семейных и трудовых правоотношений // Российское правосудие. 2021. № 10. С. 43-52.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025)
7. Черкасова Е. В. Правовая категория «лишение родительских прав» как юридический факт // Власть Закона. 2024. № 2(58). – С. 366-375.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.85

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОГО СОЗНАНИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Демина Алёна Николаевна,

студент 3 курса,

ФГБОУ ВО ВГУЮ

(РПА Минюста России) Ижевский институт (ф),

г. Ижевск, Россия,

alenademina249@gmail.com

Аннотация: в статье рассматривается процесс формирования антиэкстремистского сознания у несовершеннолетних через призму традиционных ценностей. Анализируется практика, относящаяся к данному вопросу. Также предлагаются изменения в нормативно-правовых актах, способствующие интеграции традиционных ценностей в образовательные и социальные программы.

Ключевые слова: профилактика, антиэкстремистское сознание, традиционные ценности, несовершеннолетние, критическое мышление, идеология, противодействие.

Правое закрепление защиты нравственности стало результатом развития как самого общества, так и права. Стоит подчеркнуть, что в России на всех ее исторических этапах данный институт охранялся всегда. Это прежде всего обусловлено тем, что именно нравственные категории, их соблюдение могло обеспечить должный уровень правопорядка [5, с. 12].

Одной из конституционных ценностей, занимающей ключевое положение в социально-экономическом и политико-правовом устройстве страны, является нравственность. Она представляет собой базис, стержневой компонент государственно-правового функционирования. Ее всеобъемлющий характер обуславливает глобальную взаимосвязь и взаимодействие личности, общества и государства, их прав, свобод и законных интересов.

При этом мы солидарны с В.Н. Бутилиным, И.В. Гончаровым, В.В. Барбиным, в том аспекте, что конституционно-правовое оформление защиты нравственности наделяет ее юридическим статусом, что позволяет говорить о ней не только как о публичном интересе российского общества, но и как о публичном праве в субъективном смысле. При этом само по себе право, рассматриваемое в отрыве от обязанности, является лишь провозглашением намерений, лишенным основного средства его реализации [1, с. 21].

Необходимость регулирования отношений, возникающих в сфере общественной нравственности, приобретает в настоящее время особую актуальность. Стоит отметить, что в России в реестре террористов и экстремистов числится более 155 несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет, пишет РИА Новости со ссылкой на данные Росфинмониторинга. Среди подростков, включенных в реестр, один 14 лет, 23 — 15 лет, 46 — 16 лет, а 85 — 17-летние [6].

В свою очередь, Директор Федеральной службы безопасности России Александр Бортников сообщил, что 65% задержанных за преступления террористической направленности в России – это молодежь, попавшая под влияние украинских спецслужб и неонацистских организаций. В текущем году произошел существенный рост числа преступлений террористической направленности, связанных прежде всего с нанесением ущерба критически важной и социальной инфраструктуре, а также нападениями на военнослужащих и должностных лиц органов власти. Правоохранительными органами предупреждено 172 подобных теракта [2]. Данное заявление он сделал на заседании Национального антитеррористического комитета 12 августа 2025 года.

При анализе информационно – телекоммуникационной сети «Интернет» за текущий период 2025 года, становится вполне очевидным сделать вывод, что лица молодежного возраста совершают преступления экстремистского характера, так:

1. г. Москва - в январе 2024 года молодой человек, полагая, что общается через бот знакомств в мессенджере с девушкой, вступил в переписку с представителем украинских спецслужб, который склонил его к сотрудничеству. Получив задание на совершение диверсии на объекте транспортной инфраструктуры, молодой человек приобрел необходимые средства. В феврале 2024 года, находясь между платформами «Кутузовская» и «Весенняя» на Курском направлении [Московской железной дороги](#), он поджег релейный шкаф и снял свои действия на видео, которое позже было опубликовано на проукраинских интернет-ресурсах [12];

2. Удмуртская Республика, г. Глазов - судом установлено, что летом 2024 года молодой человек связался в мессенджере Telegram с неустановленным лицом. Неизвестный предложил ему с целью подрыва безопасности экономики и обороноспособности страны поджечь устройство для сигнализации, автоматического управления и контроля за движением поездов. Релейный шкаф находился на участке железнодорожных путей

Горьковской железной дороги в Глазовском районе, где проезжают железнодорожные подвижные составы. Студенту сообщили координаты и проинструктировали, как совершить диверсию. Молодой человек подготовился к совершению преступления и пришел ночью к месту расположения релейного шкафа, а затем поджег его. Шкаф был уничтожен, а ОАО «РЖД» нанесен ущерб на сумму 17 694,44 руб. [3];

3. Тульская область - 24 июля 2025 года двое несовершеннолетних 17 лет совершили поджог железнодорожного оборудования в районе станции Алексин. Подростки выполняли указания неизвестных лиц, которые, как полагает следствие, могут быть связаны со спецслужбами Украины [4];

4. г. Новосибирск - оперативники ФСБ России и транспортной полиции пресекли противоправную деятельность двоих новосибирцев, по заданию анонимных кураторов, совершивших диверсии на железной дороге. Вечером 1 июля 2025 года сожгли релейный шкаф на станции Клещиха. В ночь на 2 июля 2025 года пытались совершить еще один аналогичный акт вмешательства в работу железнодорожного оборудования на том же участке местности [9].

Права человека являются универсальными правами фундаментального характера, которые принадлежат каждому лицу в его взаимоотношениях с государством.

В связи с этим мы считаем, что принятие в 2021 году Указа Президента РФ от 02 июля 2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» послужило трамплином для формирования в обществе отрицания деструктивной идеологии и конкретизации некоторых положений самой стратегии. Непосредственно раздел IV «Обеспечение национальной безопасности» закрепляет в восьмом подразделе «Защиту традиционных Российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [8].

В свою очередь в 2022 году был принят Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года №209 «Основы государственной политики по сохранению и

укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в котором отражены важные аспекты, стержень реалий развития нашего государства. Исходя из него, к ожидаемым результатам реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей относятся: сбережение и приумножение народа России, сохранение общероссийской гражданской идентичности, развитие человеческого потенциала, поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности и правопорядка, формирование безопасного информационного пространства, защита российского общества от распространения деструктивной идеологии, достижение национальных целей развития, повышение конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации.

Тем самым нашла закрепление взаимосвязь духовно – нравственных ценностей с реализацией национальной безопасности в п. 13: «Угрозы традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств» [10].

Необходимо отметить, что в преамбуле Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» сказано, что в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития РФ, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, открытости внешнему миру принят выше указанный Указ Президента РФ [7].

Так же, интерес представляет Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. №1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» (далее, Указ №1124), который в свою очередь конкретизирует выше отмеченные нами Указы Президента РФ, а также от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» и Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [11].

Автор считает, что профилактические действия охраны традиционных духовно-нравственных ценностей с учетом уголовно-правовой регламентации включает в себя следующие виды:

- выявление угроз, прогнозирование и анализ;
- определение направлений государственной политики по обеспечению государственной безопасности;
- создание и развитие нормативно-правовой базы по регулированию общественных отношений, возникающих в условиях обеспечения безопасности;
- разработка совокупности инструментов, механизмов и мер, которые работают не на краткосрочный период, а способствуют выявлению угроз безопасности на длительный период, что обусловлено необходимостью нейтрализации потенциальных проблем и осуществление профилактических мер по обеспечению безопасности;
- разработка мер экономического характера, способствующих достижению поставленных безопасностью целей;
- организация и эффективная реализации научной деятельности;
- сотрудничество как внутриведомственных учреждений, так и сотрудничество с ведомствами на международном уровне и другие.

На основании выше сказанного становится вполне очевидным комплексная редакция действующих нормативных актов, в первую очередь мы считаем, что это необходимо произвести в Указе №1124. Тем самым дополнить п.36 «Основные направления государственной политики в сфере

противодействия экстремизму» п.п.6 «в области образования и государственной молодежной политики» абзацами 32 – 37, следующего содержания:

32. включение в федеральные государственные образовательные стандарты и примерные основные образовательные программы, начиная с начального общего образования, обязательных модулей, направленных на формирование антитеррористического сознания, основ безопасности жизнедеятельности в условиях террористической угрозы, развитие критического мышления для распознавания пропаганды и дезинформации, а также на воспитание толерантности и уважения к различным культурам и конфессиям;

33. систематическое повышение квалификации педагогических работников по вопросам психолого-педагогической профилактики экстремизма и терроризма, выявления признаков радикализации среди несовершеннолетних, а также оказания им психологической поддержки;

34. организацию и проведение регулярных просветительских мероприятий (лекции, беседы, дискуссии, тренинги, тематические конкурсы) с привлечением специалистов органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности, психологов, представителей конфессий и общественных организаций, направленных на формирование антитеррористического сознания и развитие навыков безопасного поведения в сети Интернет;

35. содействие развитию сети молодежных центров, клубов по интересам и общественных организаций, деятельность которых направлена на формирование позитивных ценностных ориентаций, развитие творческого потенциала и пропаганду здорового образа жизни среди несовершеннолетних, а также на профилактику экстремистских проявлений;

36. совершенствование системы мониторинга и раннего выявления признаков радикализации среди несовершеннолетних, в том числе через образовательные учреждения и цифровую среду, с обеспечением конфиденциальности и соблюдением прав граждан;

37. создание и поддержание в актуальном состоянии информационных ресурсов (веб-сайтов, страниц в социальных сетях) с достоверной информацией по вопросам противодействия терроризму, ориентированных на несовершеннолетнюю аудиторию.

Резюмируя настоящее исследование и анализ защиты института нравственности, подчеркнем, что данное понятие в настоящий момент буквально отождествляется понятию общественный порядок. Выше отмеченные проблемы угрожают и подрывают духовно-нравственные ценности, создают почву для дестабилизации общественных отношений, роста экстремизма и радикализации молодежи. Ослабление морального и духовного фундамента общества открывает путь для идеологической агрессии, вводит граждан в состояние духовного кризиса и нравственного беззакония.

Отметим и необходимость создания единого правового поля для взаимодействия граждан с правоохранительными органами. Нормативно-правовая база исследуемого института продолжает разрабатываться и совершенствоваться как в целом по стране, так и в отдельных субъектах государства. Как итог, создается позитивное влияние на правосознание людей, повышается доверие к правоохранительным органам.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что только единая, целенаправленная, скоординированная, умело организованная и воплощенная в реальности деятельность всех заинтересованных субъектов (ведомств) может оказать профилактическое воздействие на сложившуюся ситуацию в данной сфере и послужить стабилизации оперативной обстановки.

Библиографический список использованных источников

1. Бутылин В. Н., Гончаров И. В., Барбин В. В. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел (организационно-правовые аспекты): Курс лекций. - М.: Академия управления МВД России, 2007. -201 с.

2. «В России больше половины терактов совершает молодежь» [Электронный ресурс] // ЕАН Россия - URL: <https://eanews.ru/rossiya/20250812191312/v-rossii-bolshe-poloviny-teraktov-sovershaet-molodezh> (дата обращения 14.08.2025).
3. «В Удмуртии осудили студента, который устроил диверсию на железной дороге» [Электронный ресурс] // UDM – info. URL: https://udm-info.ru/news/2025-07-14/v-udmurtii-osudili-studenta-kotoryy-ustroil-diversiyu-na-zheleznoy-doroge-5435568?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 20.08.2025).
4. «Диверсантами, которые подожгли релейный шкаф, оказались подростки» [Электронный ресурс] // РБК - URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6891cb919a794727e0107156> (дата обращения 14.08.2025).
5. Дизер О. А. Административно-правовые основы предупреждения и пресечения милицией правонарушений в сфере оборота продукции, оказания услуг и проведения зрелищных мероприятий сексуального характера: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004.
6. «Названо пугающее число школьников в списке террористов и экстремистов» [Электронный ресурс] // NEWS.RU. - URL: <https://news.ru/russia/nazvano-pugayushee-chislo-podrostkov-v-spiske-terroristov-i-ekstremistov> (дата обращения 30.07.2025).
7. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1305894187?ysclid=lw41p7fg3k569353715§ion=text> (дата обращения: 30.07.2025).
8. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 № 400// Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL:

<https://docs.cntd.ru/document/607148290?ysclid=lw41syxmtf277089075§ion=text> (дата обращения: 30.07.2025).

9. «Обещали 35 тысяч»: в Новосибирске арестовали двух подозреваемых в поджоге релейного шкафа» [Электронный ресурс] // КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА - URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/27717/5109759/> (дата обращения 14.08.2025).

10. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года №209 // [Электронный ресурс] URL:

<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873> (дата обращения: 11.08.2025).

11. «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. №1124 // [Электронный ресурс] Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580/page/1> (дата обращения: 11.08.2025).

12. «Поджигатель релейного шкафа в Подмоскovie получил 15 лет колонии» [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ - URL: <https://ria.ru/20250221/podmoskove-2000714783.html> (дата обращения 14.08.2025).

УДК 1(091)

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО
ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА И КВАЛИФИКАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ**

Качановская Анна Владимировна,

студентка 2 курса

ЛГУ им. А.С. Пушкина,

г. Санкт-Петербург, Россия,

kachanovskaya-anna@mail.ru

Шпакова Тамара Константиновна,

студентка 2 курса

ЛГУ им. А.С. Пушкина,

г. Санкт-Петербург, Россия,

tamara.shp@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правового регулирования состава государственной измены в современном российском законодательстве. Анализируются доктринальные и правоприменительные сложности, связанные с определением ключевых признаков объективной и субъективной сторон данного преступления. Исследуется генезис законодательной конструкции состава государственной измены, выявляются противоречия и коллизии в толковании диспозиции нормы. Особое внимание уделяется проблеме разграничения государственной измены и смежных составов преступлений, а также вопросам квалификации деяний в условиях современных геополитических реалий и развития

информационных технологий. Формулируются предложения по совершенствованию уголовного закона в части повышения определенности признаков состава и разработки четких критериев квалификации.

Ключевые слова: государственная измена, шпионаж, безопасность государства, квалификация преступлений, законодательная техника, объективная сторона, субъективная сторона, уголовная ответственность.

Актуальность проблем совершенствования законодательного закрепления признаков состава и квалификации государственной измены обусловлена исключительной важностью данного преступления для обеспечения национальной безопасности и сохранения суверенитета государства. Государственная измена представляет собой одно из наиболее опасных преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, что предопределяет необходимость особой тщательности в конструировании ее состава и разработке критериев квалификации. Однако динамичное развитие общественных отношений, появление новых форм и способов деятельности, направленной против интересов Российской Федерации, а также возрастающая сложность доказывания субъективной стороны данного состава порождают существенные проблемы в правоприменительной практике. Эти проблемы требуют глубокого доктринального осмысления и последующего законодательного решения.

Эволюция уголовно-правовой нормы о государственной измене в постсоветский период характеризуется постоянным поиском оптимального баланса между необходимостью эффективной защиты безопасности государства и требованием правовой определенности, обеспечивающей недопущение расширительного толкования. Многократные изменения редакции ст. 275 УК РФ свидетельствуют о наличии устойчивых проблем в интерпретации ключевых дефиниций, образующих конструкцию состава.

В рамках реформирования уголовного законодательства Федеральным законом от 12 ноября 2012 года № 190-ФЗ были внесены существенные изменения в диспозицию статьи 275 УК РФ. Ключевым аспектом данной

модернизации явился отказ от использования в целевой формулировке состава преступления термина «внешняя безопасность». Однако, несмотря на коррекцию законодательной дефиниции, непосредственный объект преступного посягательства остался неизменным, продолжая охватывать охраняемые интересы в сфере внешней безопасности государства.

Необходимость указанной терминологической замены была обусловлена значительным расширением диспозиции нормы в части детализации форм противоправной деятельности. В частности, объективная сторона состава была развита за счет включения исчерпывающего перечня видов содействия, таких как оказание финансовой, материально-технической, консультационной помощи. Данная конкретизация, пришедшая на смену ранее использовавшейся общей формулировке «оказание иной помощи», позволила унифицировать правоприменительную практику и обеспечить более точную квалификацию деяний, образующих государственную измену [3]. Таким образом, законодательная новелла была направлена не на изменение сущности охраняемого объекта, а на совершенствование юридической техники конструкции состава преступления.

С 9 мая 2023 года, статью 275 УК РФ изменили Федеральным законом от 28 апреля 2023 года №157-ФЗ [4]. В частности, за государственную измену максимально возможным наказанием стало пожизненное лишение свободы.

С 28 декабря 2024 года в статью 275 УК РФ внесены изменения в примечаниях Федеральным законом от 28 декабря 2024 года №510-ФЗ [5]. Указанным нормативным актом введено легальное определение ключевого понятия «противник», под которым отныне понимаются не только иностранные государства, но также международные и иностранные организации, осуществляющие непосредственное противостояние Российской Федерации в условиях вооруженного конфликта, ведения военных действий или иных форм противоборства с применением вооружения и военной техники. Данная дефиниция значительно расширяет традиционные рамки интерпретации противоправного деяния.

Кроме того, законодатель уточнил содержание такого квалифицирующего признака, как «переход на сторону противника». В новой редакции нормы под этим понимается не только непосредственное участие в боевых действиях в составе вражеских формирований, но и вовлеченность в деятельность органов власти, промышленных предприятий или организаций противника, если таковая деятельность заведомо направлена против интересов безопасности Российской Федерации. Это изменение позволяет квалифицировать как государственную измену более широкий спектр форм коллаборационистской деятельности.

Особого внимания заслуживает установление специального субъекта ответственности. Поправками предусмотрена уголовная ответственность для иностранных граждан, находящихся на территории России, в случае оказания ими противнику финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи, если эта помощь непосредственно направлена против безопасности Российской Федерации. Данная новация направлена на противодействие современным вызовам и угрозам национальной безопасности, связанным с деятельностью иностранных агентов на территории страны.

Центральной проблемой остается недостаточная определенность таких оценочных понятий, как «шпионаж», «выдача государственной тайны», «оказание помощи иностранному государству». Законодатель использует эти категории, не раскрывая их содержания в примечаниях или иным образом, что порождает широкий спектр доктринальных трактовок и судебных интерпретаций.

Актуальной проблемой в уголовном праве является вопрос квалификации преступлений в отношении специального субъекта, в частности, выбора применяемой нормы к лицам, обладающим двойным гражданством. Согласно экспертным оценкам, на настоящий момент примерно полтора миллиона граждан Российской Федерации имеют второе гражданство [1]. Данное обстоятельство порождает правовую

неопределенность при квалификации деяний по статьям 275 и 276 УК РФ, поскольку диспозиция статьи 275 УК РФ в качестве специального субъекта предусматривает исключительно гражданина России, в то время как статья 276 УК РФ распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства. Вследствие этого формируется правовая коллизия, связанная с определением подлежащей применению уголовно-правовой нормы в отношении бипатридов.

Кроме того, правовая неоднозначность сохраняется в контексте квалификации действий по добровольной сдаче в плен. Статья 275 УК РФ проводит четкое разграничение со смежным составом преступления, предусмотренным статьей 352.1 УК РФ. Так, если лицо добровольно прекратило сопротивление при отсутствии с его стороны последующего участия в военных действиях против Российской Федерации, его действия подпадают под признаки статьи 352.1 УК РФ. Однако в случае совершения указанных действий деяние образует объективную сторону состава государственной измены, регламентированную статьей 275 УК РФ.

Ключевой проблемой квалификации государственной измены является установление ее субъективной стороны, а именно прямого умысла и специальной цели – направленности деяния на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации. Доказывание субъективной стороны составляет главную процессуальную трудность, поскольку требует установления внутренних, зачастую тщательно скрываемых мотивов и целей виновного лица. На практике это приводит к ситуации, когда объективно совершенные действия, подпадающие под формальные признаки состава, не могут быть квалифицированы как государственная измена в силу невозможности неопровержимо доказать наличие именно умысла на нанесение ущерба безопасности, а не, например, иных мотивов (корыстных, карьеристских и т.д.).

Данная проблема напрямую связана с другой – проблемой разграничения государственной измены и смежных составов преступлений,

прежде всего шпионажа (ст. 276 УК РФ) и разглашения государственной тайны (ст. 283 УК РФ). Нечеткость законодательных формулировок приводит к тому, что одни и те же действия могут получать различную юридическую оценку. Так, передача сведений, составляющих государственную тайну, иностранной организации при отсутствии доказательств сговора с иностранным государством может быть переквалифицирована из измены в разглашение государственной тайны, что влечет существенное смягчение ответственности. Отсутствие четких и формализованных критериев для такого разграничения дестабилизирует правоприменительную практику и создает риски как необоснованного ужесточения ответственности, так и ухода от справедливого наказания.

Ключевой проблемой, требующей научного осмысления, является введение в уголовное законодательство Российской Федерации с 14 июля 2022 года новой нормы – статьи 275.1 УК РФ «Сотрудничество на конфиденциальной основе». Данная статья устанавливает уголовную ответственность за сам факт установления и поддержания гражданином Российской Федерации отношений подобного характера с представителем иностранного государства, международной или иностранной организации. Критерием криминализации выступает цель оказания содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации, при условии отсутствия в действиях виновного признаков состава преступления, предусмотренного статьей 275 УК РФ.

Таким образом, диспозиция статьи 275.1 УК РФ криминализирует именно установление и поддержание конфиденциальных отношений сотрудничества как самостоятельный состав преступления. В случае же, если в рамках установленных отношений гражданин совершает конкретные действия, образующие объективную сторону государственной измены (например, шпионаж или оказание конкретной помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности), его деяние подлежит квалификации исключительно по статье 275 УК РФ [2].

Следовательно, правоприменительная практика должна основываться на четком разграничении объективных сторон этих смежных составов преступлений. Совершенствование законодательной конструкции государственной измены должно быть направлено на преодоление идентифицированных проблем через повышение формальной определенности нормы. Перспективным направлением представляется разработка и закрепление в примечании к ст. 275 УК РФ легальных дефиниций ключевых терминов, таких как «оказание помощи» и «иное содействие». Это позволило бы унифицировать понимание объективной стороны преступления и ограничить судебское усмотрение в части расширительного толкования.

Целесообразным является также более детальное описание в диспозиции нормы возможных форм и способов совершения деяния с учетом современных реалий. Речь идет о включении указаний на использование информационно-телекоммуникационных сетей, оказание консультационной, аналитической или экспертной помощи, носящей явно антигосударственный характер. Это не расширит объем уголовной ответственности, но конкретизирует его, сделав правовую норму более адаптированной к вызовам современности.

Для решения проблемы доказывания субъективной стороны необходима разработка на уровне Верховного Суда РФ развернутых рекомендаций по установлению умысла виновного лица на нанесение ущерба безопасности. Эти рекомендации должны включать систему объективных критериев и допустимых доказательств, которые могут свидетельствовать о наличии такой цели. Подобный подход позволил бы формализовать процесс доказывания и повысить предсказуемость судебных решений.

Библиографический список использованных источников

1. Симонова Е.К., Истомина В.В., Чёрный Т.М. Государственная измена: проблемы квалификации // Право и управление. 2024. №7. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-izmena-problemy-kvalifikatsii>
(дата обращения: 16.09.2025).

2. Середа И.СМ., Ступина С.А. Государственная измена: отдельные вопросы квалификации // Пролог: журнал о праве. 2023. №1 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-izmena-otdelnye-voprosy-kvalifikatsii> (дата обращения: 16.09.2025).

3. Федеральный закон от 12.11.2012 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. N 47. Ст. 6401.

4. Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

5. Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 510-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 349.6.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА В РОССИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И НЕДОСТАТКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ, ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ

Потолов Олег Алексеевич,

студент 4 курса

Северо-Западного института (филиала)

Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

г. Вологда, Россия,

gelomsalwp@mail.ru

Неуступов Артём Александрович,

студент 4 курса

Северо-Западного института (филиала)

Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

г. Вологда, Россия,

an1201322@mail.ru

Научный руководитель:

Соколов Николай Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
административного и финансового права
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Вологда, Россия

Аннотация: В статье авторами анализируются ключевые проблемы, возникающие в правоотношениях по возмещению ущерба окружающей среде в Российской Федерации, а также предлагаются наиболее рациональные пути их решения. Также приводятся рекомендации по улучшению правоприменительной практики и подчеркивается важность комплексного подхода к решению экологических проблем для обеспечения устойчивого развития и защиты природных ресурсов.

Ключевые слова: окружающая среда, ущерб, возмещение, право на благоприятную окружающую среду, устойчивое развитие, атмосфера, антропогенное влияние.

Современное общество обладает уникальной чертой – динамичностью, которая проявляется в стремительном развитии, освоении более новых и сложных технологий производства и потребления. Как следствие, с каждым годом все более усиливается антропогенное влияние на окружающую среду. Сокращение или полное уничтожение природных ресурсов, загрязнение почв, воздуха, воды, глобальное изменение климата – все это лишь часть тех масштабных проблем экологического характера, которые стали угрозой для мирового сообщества вследствие пренебрежительного отношения человечества к окружающей среде, его пагубного воздействия и неразумного расходования природной сырьевой базы. Как известно, «великое начинается с малого», и современное общество, обсуждая пути решения глобальных экологических проблем, все меньше обращает внимание на проблемы малые, то есть те нарушения, которые имеют местный характер и ежегодно наносят

непоправимый вред природе, ущерб, который способен лишить будущие поколения возможности жить на чистой планете и дышать свежим воздухом. Когда дело касается возмещения вреда, нанесенного окружающей среде, общество сталкивается с рядом трудностей, решение большинства из которых, к сожалению, не проработано законодателем, поэтому проблема компенсации такого вреда в России является как никогда актуальной и критической, следовательно требует особого внимания как со стороны законодателя и теоретиков права, так и всего общества в целом.

В соответствие с положениями статьи 42 Конституции РФ, каждый имеет право на благоприятную окружающую среду [6], то есть на такую, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов [23]. Несмотря на то, что данное право установлено в Конституции РФ, многие теоретики считают, что оно носит скорее декларативный, чем практический, характер [7]. С этим сложно не согласиться, ведь по данным Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) буквально за первый месяц 2024 года было зарегистрировано порядка 85 случаев высокого загрязнения на 55 водных объектах, а также ряд загрязнений атмосферного воздуха веществами 1, 2 и 3 классов опасности [8]. Уже к августу 2024 года на территории Российской Федерации было зарегистрировано в отношении водных объектов – порядка 200 случаев высокого загрязнения на 108 объектах, а в отношении атмосферного воздуха – сохранение загрязнений, в том числе диоксидом серы и сероводородом [9]. Как видно, право на благоприятную окружающую среду закреплено законодателем в акте высшей юридической силы, однако, даже в рамках одного года количество наносимого вреда увеличивается, а проблемы правоприменения так и не находят своего решения. Официальная статистика подкрепляется также положениями «Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (далее по тексту – Основы), утвержденных Президентом РФ 30 апреля

2012 года, а именно, в пункте 3 Основ указано, что «в 40 субъектах Российской Федерации более 54 процентов городского населения находится под воздействием высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха. Объем сточных вод, сбрасываемых в поверхностные водные объекты без очистки или недостаточно очищенных, остается высоким. Практически во всех регионах сохраняется тенденция к ухудшению состояния почв и земель. Интенсивно развиваются процессы, ведущие к потере плодородия сельскохозяйственных угодий и к выводу их из хозяйственного оборота» [11]. Стоит отметить, что на момент принятия Основ в 2012 году, данные проблемы уже существовали, соответственно существуют и по сей день и решаются в рамках деятельности, основанной на положениях «Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» [22] (далее по тексту – Стратегия), утвержденной Указом Президента РФ в 2017 году. В данном акте не только были отмечены вышеуказанные проблемы, но и обозначены глобальные вызовы экологической безопасности, цели и приоритетные направления государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, а также многие другие важные аспекты. Оба вышеперечисленных акта так или иначе ставят во главу угла предотвращение экологического вреда и необходимость его компенсации в случае причинения. Например, пункт 24 Стратегии называет одной из целей «ликвидацию накопленного вреда окружающей среде вследствие хозяйственной и иной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата» [22].

Помимо права на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии, статья 42 Конституции РФ содержит так же право на возмещение ущерба, причинённого здоровью или имуществу экологическим правонарушением [6]. Стоит отметить, что в действующих актах экологического права законодатель использует различные понятия: в ст. 36, 42 Конституции РФ [6] применяется понятие «ущерб», в Федеральном законе от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ [23] – «вред окружающей среде», а также в

Гражданском кодексе РФ [2] и в Федеральном законе от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ [23] можно обнаружить и такое понятие как «убытки». При этом не каждый нормативный правовой акт раскрывает содержание данных правовых категорий, что, по мнению авторов, вызывает неоднозначное толкование и применение правовых норм. Как отмечают в своей работе Е.М. Оль и М.А. Шадров, в большинстве нормативных правовых актов термины «вред» и «ущерб» употребляются как синонимы [10]. Об этом свидетельствуют также материалы правоприменительной практики, которые проанализированы нами в ходе исследовательской работы.

Легальное определение вреда окружающей среде, как уже было упомянуто, раскрывается в положениях Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ, а именно в статье 1. Так, под вредом окружающей среде понимается негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов [23]. В свою очередь, понятия экологического ущерба в законодательстве нет, поэтому взгляды на этот счет среди теоретиков разнятся. Так, Б.Г. Розовский в своих трудах рассматривает понятие ущерба по аналогии с гражданским законодательством, как утрату или порчу компонентов природной среды, которые являются имуществом [20, с. 11]. Экологический ущерб, чаще всего, рассматривается вместе с другой категорией – экономическим ущербом. Последний выражается в тех затратах, которые совершает субъект на восполнение изменений окружающей среды, которые наступили в результате действий или бездействий людей, предприятий и даже органов власти [10]. Однако, главную роль в понимании убытков, все же, играют потери именно природных ресурсов, которые имели место в результате воздействия хозяйственной и иной деятельности. В целях проводимого нами исследования, на наш взгляд, целесообразно использовать понятия «вред» и «ущерб» как синонимы, поскольку в конечном итоге оба явления несут практически одинаковый результат, который так или иначе

необходимо будет возмещать любым из доступных способов: в денежной или натуральной форме.

Как уже было упомянуто, в положениях статьи 42 Конституции РФ установлено ключевое в рамках нашего исследования право – на возмещение ущерба, причинённого здоровью или имуществу экологическим правонарушением [6]. При буквальном толковании нормы усматриваются базовые свойства установленного права – ущерб должен быть причинен здоровью или имуществу, а также должен быть результатом экологического правонарушения. Нарушение законодательства об охране окружающей среды может повлечь за собой разные виды ответственности, в том числе и имущественную, дисциплинарную, административную, а также уголовную. Отсутствие в отношении лица привлечения к любому из видов ответственности не может исключать возможность возложения на него обязанности по возмещению ущерба, который он нанес окружающей среде. Ровно, как и наоборот, привлечение к ответственности не может служить основанием для освобождения от возмещения [13].

Статья 77 Федерального закона № 7-ФЗ более детально раскрывает как круг лиц, которые должны возместить ущерб окружающей среде, так и те результаты, которые способны его причинить. Так, причинителями, обязанными в полном объеме возместить ущерб, считаются юридические и физические лица, соответственно причинившие вред окружающей среде, а также в пределах, установленных законом, заказчик, если вред окружающей среде, причинен юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, в том числе на проект которой имеется положительное заключение государственной экологической экспертизы, включая деятельность по изъятию компонентов природной среды [23]. В круг негативных последствий статья включает: загрязнение, истощение, порчу, уничтожение, нерациональное использование природных ресурсов, деградацию и разрушение естественных экологических систем, природных

комплексов и природных ландшафтов и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды [23].

Наиболее распространенной на практике считается проблема исчисления вреда, подлежащего возмещению. Так, в соответствии с п. 3 ст. 77 Федерального закона № 7-ФЗ, вред окружающей среде, причиненный юридическим лицом или предпринимателем, возмещается в соответствии с утвержденными таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, а при их отсутствии исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды [23]. Проблема положений закона и, в частности, данной формулировки заключается в том, что не всегда можно с высокой точностью определить размер вреда, подлежащего возмещению. Окружающая среда в понимании закона – это совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов [23]. Более доступным языком, в данную категорию входят все элементы природной среды: растения, животные и прочие, а также такие элементы, в создании которых человек частично или полностью принимал участие. Ущерб, причиняемый окружающей среде неизмерим деньгами и продуктами, от одного нарушения законодательства могут пострадать как флора, так и фауна, причем будет крайне затруднительно определить не только вид вреда, но и его объем в отношении каждого конкретного объекта. Как пример, можно привести крушение в Керченском проливе 15 декабря двух танкеров с нефтепродуктами: «Волгонефть-212» и «Волгонефть-239», в результате которого в воды произошел выброс мазута [21]. В данной ситуации природе причинен колоссальный вред, но шансы с точностью рассчитать суммы его возмещения практически сводятся к нулю. Таким образом, расчет возмещаемого ущерба зависит от объекта посягательства, условий совершения правонарушения, и иных данных не позволяющих точно определить размер вреда. Органами исполнительной власти разработаны

различные методики в целях решить проблему. Среди них: «Методика исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» [16], утвержденная приказом Минприроды России от 08.07.2010 г. № 238, «Методика определения размера возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» [15], утвержденная Постановлением Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730, «Методика исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства» [17], утвержденная Приказом Минприроды России от 13.04.2009 г. № 87 и некоторые другие. Однако, все методики и таксы во многом служат лишь ориентиром, при помощи которых возможно рассчитать далеко не весь причиненный ущерб.

Как пример из судебной практики можно привести решение Арбитражного суда Камчатского края от 15.12.2020 г. по делу № А24-3769/2020 о взыскании денежных средств для возмещения ущерба, причиненного водному объекту [18]. В суде рассматривалось исковое заявление Дальневосточного межрегионального управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования к краевому государственному унитарному предприятию «Камчатский водоканал» о возмещении 2 748 514, 09 руб. вреда, причиненного водному объекту (Авачинской губе).

Ранее специалистами Службы были проведены выездные проверки и контрольные мероприятия, в ходе которых установлено, что в Авачинскую губу через глубоководный рассеивающий выпуск происходил сброс сточных вод с количеством загрязняющих веществ, во много раз превышающим фоновые значения. Данный канализационный коллектор находится в эксплуатационной ответственности у КГУП «Камчатский водоканал», к которому и обращен иск. В данном случае для расчета и определения размера возмещения был применен условный метод, с учетом исключительного свойства окружающей среды к самостоятельной нейтрализации негативного антропогенного воздействия и особенностей экологического ущерба, который

не поддается в полной мере объективной оценке. Также, при определении сумм учитывались плата за сверхлимитный сброс за год и плата за сверхлимитный сброс за 1 день. Суд первой инстанции посчитал верным расчет размера ущерба, произведенный по формуле, установленной пунктом 11 Методики № 87. Сумма, подлежащая взысканию с Водоканала, составила 2 725 026, 12 рублей ущерба.

Не менее важной является и проблема вида возмещения вреда, его характера. Положения статьи 78 Федерального закона № 7-ФЗ дают возможность причинителю вреда возместить ущерб как в денежной форме, так и в натуральной, в том числе посредством возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды [23]. Безусловно, активные действия могли бы иметь более весомое и приоритетное значение, поскольку в полной мере позволили бы если не устранить, то максимально минимизировать последствия вредного воздействия. Однако, на практике бывают случаи, когда возместить ущерб в натуральной форме, в том числе и при помощи активных действий просто невозможно. В таких случаях вред возмещают деньгами по установленным методикам и таксам.

Как пример, можно привести положения Апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 06.06.2024 г. по делу № 33-21042/2024 [1]. Так, по материалам дела, в адрес ИП Бобылевой Н.Е. с иском о возмещении ущерба, причиненного окружающей среде, обратился в суд прокурор, обосновав свое обращение следующими обстоятельствами: в ходе прокурорской проверки земельного участка ИП Бобылевой Н.Е. в части использования земель сельскохозяйственного назначения, а также законодательства об охране окружающей среды была обнаружена свалка твердо-бытовых отходов, складированы бревна. Более половины участка, общей площадью 36, 1 Га, зарастает многолетней сорной (лопух большой, пырей ползучий, осот полевой и др.) и древесно-кустарниковой (береза, ель, ива и др.). В ходе мероприятия,

прокурор пришел к выводу, что участок не используется для сельскохозяйственного производства, тем самым причинен вред окружающей среде из-за непроведения мероприятий по защите почвы от ветровой, водной эрозии и предотвращению других процессов и иного негативного воздействия на окружающую среду, в результате чего ИП Бобылевой Н.Е. муниципальному образованию причинен ущерб, рассчитанный в денежном эквиваленте по соответствующей Методике. Предприниматель попыталась оспорить судебный акт первой инстанции, но и в апелляции решение устояло. Безусловно, как уже было нами сказано, в случаях, когда возмещение в натуральной форме невозможно, вред можно возместить только денежными средствами по установленным методикам и таксам. Однако, в данном случае все же можно было обеспечить как минимум принудительную очистку участка от свалки твердых бытовых отходов. В данном случае, как и в большинстве других, неясно, какой вид и характер будет иметь возмещение ущерба окружающей среде.

Также, к проблемам возмещения экологического ущерба можно отнести то, что возмещение уходит не по месту совершения, а в бюджет субъекта или муниципального образования, а уже момент распоряжения возмещенными средствами остается на усмотрение распорядителем бюджета. Для конкретизации, обратимся к положениям статьи 78.2. Федерального закона № 7-ФЗ, в которой сказано, что средства от платежей по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, зачисленные в бюджеты субъектов Российской Федерации и местные бюджеты, **направляются на выявление объектов накопленного вреда окружающей среде и (или) организацию ликвидации накопленного вреда окружающей среде в случае наличия** на территории субъекта Российской Федерации (муниципального образования) объектов накопленного вреда окружающей среде, а в случае их отсутствия – на иные мероприятия по предотвращению и (или) снижению негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранению и восстановлению природной среды, рациональному

использованию и воспроизводству природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности [23]. Законодатель не сделал перечень мероприятий исчерпывающим и, если толковать закон буквально, позволил потратить возмещенные с ущерба средства на «иные мероприятия». Проще говоря, как субъект или муниципальное образование распорядится деньгами и направит ли их на восстановление именно данного участка – неясно.

Не менее важной является проблема «недостаточности» возмещения на покрытие нанесенного природе ущерба. Данный вопрос во многом связан с предыдущими и относится как к возмещению в денежной форме, так и в натуральной. Особенностью здесь является тот момент, что взысканных средств или проведенных виновным лицом работ может быть недостаточно для покрытия принесенного ущерба.

Примеров недостаточного возмещения вреда окружающей среде очень много, как в судебной практике, так и в повседневной жизни. Один из таких содержится в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного Федерального округа от 20.07.2020 по делу № А56-27589/2017 [12]. По материалам дела, Ленинградское ОГКУ «Ленобллес» и государственный лесной инспектор Ленинградской области подали иск в суд против ООО «Лель-ЭКО» о возмещении ущерба, причиненного окружающей среде, в частности лесному хозяйству. В процессе патрулирования лесных территорий было выявлено незаконное использование лесов для расширения площади полигона для твердых бытовых отходов. Требования о возврате участка и его очистке от отходов для восстановления его использования по назначению, то есть в лесном хозяйстве, предъявил прокурор. По результатам судебного разбирательства иск был полностью удовлетворен.

Но в данном случае суд, удовлетворяя иск, не учел все предыдущие судебные акты по делу и взыскал ущерб, руководствуясь стандартными положениями «Методики определения размера возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» [15], утвержденной Постановлением

Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730. Суд кассационной инстанции возвратил дело на новое рассмотрение, отметив, что не была исследована возможность двойной ответственности за одно и то же нарушение.

Судом было указано, что цель ответственности за причинение ущерба окружающей среде заключается в компенсации и восстановлении ее состояния. Истец вправе выбрать способ возмещения, но суд должен использовать наиболее подходящий для достижения этой цели. При этом возложение на ответчика обязанности компенсировать ущерб без учета выполненных мероприятий по устранению нарушений не соответствует закону и не способствует эффективному правоприменению. В данном случае, суд акцентировал внимание на том, что одного возмещения, без осуществления восстановительных мероприятий, будет недостаточно для восполнения ущерба, который организация нанесла своими действиями окружающей среде. Напротив, в большинстве случаев суд утверждает возмещение вреда в денежной форме, как это было в первой инстанции указанного нами случая. Стоит помнить, что одних денег может не хватить для возмещения ущерба, особенно с учетом того многообразия объектов, которые объединяет понятие «окружающая среда», и которые потенциально могут пострадать от негативного антропогенного воздействия.

Проблема возмещения вреда жизни и здоровью граждан в результате экологического нарушения – тоже немаловажный вопрос при исследовании обозначенной нами темы. Легальное определение вреда окружающей среде не дает полное представление о том, кому именно причинен указанный вред. Между тем, в работах теоретиков его принято делить на различные виды. Так, Е.А. Жулай и Е.Г. Черкашина выделяют три вида экологического вреда: гуманитарный (вред жизни и здоровью человека из-за экологических правонарушений), природоресурсовый (вред природным объектам в целом) и имущественный (вред имуществу физических лиц и организаций) [4, с. 32-36]. Рассматривая данные разновидности экологического вреда, можно сделать однозначный вывод о том, что важнейшим среди них является именно вред

жизни и здоровью человека. В соответствии с положениями Конституции, в частности статей 20 и 41, каждый имеет право на жизнь и охрану здоровья [6]. Действительно, в каждом конкретном случае нанесения вреда экологии, люди в первую очередь исходят из опасности для живых существ, для других людей. Любой вред, причиненный здоровью человека, в частности негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности юридических лиц, в соответствии с положениями статьи 79 Федерального закона № 7-ФЗ, подлежит возмещению в полном объеме [23]. При этом, определение объема и размера возмещения вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется в соответствии с законодательством. Однако, в законодательстве не представлено специальных методик и такс для возмещения вреда, нанесенного человеку в результате негативного антропогенного воздействия на экологию. Понятия вреда здоровью граждан в экологическом законодательстве отнюдь не установлено, однако его можно обнаружить в иных актах и научной литературе. Так, в Постановлении Правительства РФ от 17.08.2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды [14]. В научной же литературе, как пример можно привести понятие В.И. Евтушенко, который описывает вред здоровью в данном случае как «потери физиологического, морального, генетического порядка» [3, с. 38-41]. Нам видится, что нарушение генетического порядка тоже играет немаловажную роль, ведь воздействие некоторых веществ на организм может быть сильным и пагубным, что способно без проблем изменять генетический порядок, например воздействие бензопирена, содержащегося в дыме. Любые из вышеперечисленных потерь достаточно трудно доказать на практике, особенно генетические, которые

проявляются не через одно поколение. При этом, и вред возместить, ссылаясь на статью 79 указанного Закона будет сложно, потому что обязательным условием будет именно нарушение законодательства об охране окружающей среды. Некоторые авторы, в частности Е.А. Кравцова, видят эту формулировку узкой, так как экологический вред в некоторых случаях может стать и последствием совсем «неэкологических» нарушений [7]. Например, нарушение правил карантина животных или других ветеринарно-санитарных правил, ответственность по которым предусмотрена ст. 10.6. КоАП [5], без замедления повлечет за собой существенное изменение экологической обстановки и большой ущерб как природным объектам, так и здоровью людей.

Как пример наличия трудностей при обращении за возмещением вреда жизни и здоровью граждан в результате экологического нарушения можно привести решение Киселевского городского суда Кемеровской области от 30.05.2017 г. по делу № 2-930/2017 [19]. Так, в суд обратился гражданин Степанов А.Е. с иском к ООО «Участок «Коксовый»» о признании незаконными действий по сооружению отвалов вскрышной породы, приостановлении деятельности, устранении вреда здоровью и компенсации морального вреда. Исковые требования истец мотивировал тем, что с 2002 г. на предприятии ответчика ведутся работы по добыче угля открытым способом с вывозом породы на отвалы недалеко от его дома под предлогом деятельности по «рекультивации земель». Разгрузка вывозимой породы приводит к критическому повышению концентрации пыли в атмосферном воздухе, что постоянно и на протяжении длительного времени наносит непоправимый урон здоровью людей, проживающих в округе. Помимо этого, ООО «Участок «Коксовый»» умышленно скрывает экологическую информацию из проектной документации по проведению данных работ, отказывает в ознакомлении с проектами. На основании указанного, истец просил суд признать незаконными действия предприятия по сооружению отвалов породы вблизи жилища и приостановить деятельность предприятия, а также обязать виновных лиц устранить причиняемый его здоровью вред путем возмещения или

предоставления жилья в другом районе города, взыскать компенсацию морального вреда. По результатам рассмотрения дела, суд пришел к выводу о том, что представленные сведения о результатах лабораторных испытаний по измерению концентрации загрязняющих веществ в пробах атмосферного воздуха не свидетельствуют о прямой взаимосвязи с осуществлением деятельности ООО «Участок «Коксовый»», так как не представлены замеры общего фона по городу в данном районе (общей экологической обстановки), нет доказательств того, что в других районах обстановка более благоприятная. Оценивая предоставленные материалы, суд также учел наличие других источников выбросов (городская автомобильная дорога вблизи дома истца, шахта «Киселевская» в непосредственной близости и другие). Таким образом, суд пришел к выводу о малой доказательственной базе по факту того, что в результате деятельности ответчика здоровью истца причинен вред, в том числе моральный, в связи с чем ему было отказано в удовлетворении иска.

Подводя итог, следует отметить, что возмещение экологического ущерба – важнейший институт экологического права. Безусловно, не в полной мере, но даже небольшое возмещение, будь то в денежной или натуральной форме, способно оказать существенное влияние на восстановление окружающей среды. Однако, на наш взгляд, в России с условием динамичного роста и развития общества, данный институт требует существенной доработки ввиду наличия ряда проблем. Среди них мы выявили следующие: проблема исчисления вреда, подлежащего возмещению, проблема вида возмещения вреда, его характера, проблема определения возмещения в соответствующий вид бюджета, проблема «недостаточности» возмещения на покрытие нанесенного природе ущерба, а также проблема возмещения вреда жизни и здоровью граждан в результате экологического нарушения. Для их решения, на основании исследования мы можем предложить следующее: в первую очередь необходимо дополнить законодательные акты разных уровней с конкретизацией таких моментов, как методики и таксы, детальнее проработать условия гражданско-правовой ответственности причинителя вреда в каждом

конкретном случае, в зависимости от типа и вида природного, природно-антропогенного или антропогенного объекта, которому данный вред причинен. Решить проблему исчисления возмещений в денежной форме можно путем их существенного увеличения до тех величин, которые могли бы покрыть пусть не весь, но наибольший ущерб экологии. Также, следует доработать стандартные методики для оценки нанесенного вреда, включив в них как количественные, так и качественные показатели. Здесь же можно подключить и мультимодальный подход, используя несколько методов (например, экономический, экологический и социальный) для более точного определения ущерба, а также привлечь местные сообщества и экспертов для обсуждения и оценки ущерба. Относительно вида и характера возмещения ущерба стоит детально урегулировать моменты, когда возмещение происходит в денежной, а когда в натуральной форме. Например, при нарушении норм о пользовании ресурсами, повлекшем за собой причинение ущерба окружающей среде гораздо целесообразнее возмещать ущерб в натуральной форме, например добытой незаконно и переработанной древесиной в пользу государства, либо же высадка соответственно саженцев в целях лесовосстановления своими силами и за свой счет с обязательным контролем и присутствием специализированных органов. Разработка гибких механизмов возмещения, например финансовых, восстановительных, заменяющих и т. д., позволило бы подбирать характер возмещения, наиболее подходящий для каждого конкретного случая. Касаясь проблемы определения средств в бюджеты, можно учредить отдельные фонды для возмещения экологического вреда в зависимости от типа объекта, которому наносится урон, куда поступали бы штрафы и средства от возмещения. Также, важно усилить контроль за действиями органов власти субъекта или муниципального образования за расходованием возмещенных средств. Допустимым, на наш взгляд, было бы введение обязательства о ежегодном пересмотре бюджета для оценки эффективности расходования средств на восстановление природы.

Проблема «недостаточности» возмещения на покрытие нанесенного природе ущерба – одна из самых критических на данный момент, особенно в условиях современного динамичного развития общества. В данном случае, на наш взгляд, следовало бы установить более жесткие нормативные требования к компаниям по возмещению вреда, основываясь на реальных и всесторонних оценках ущерба. Также, возникновение проблемы в каждом конкретном случае можно предотвратить введением специальных мультипликаторов для штрафов в зависимости от степени экологического риска, чтобы учесть «недостаточность» именно в будущем, в случае наступления каких-либо отрицательных последствий.

И, напоследок, стоит уделить особое внимание проблеме возмещения вреда жизни и здоровью граждан. Путей решения здесь, по нашему мнению, может быть несколько. Прежде всего, необходимо создать прочную законодательную базу по указанному вопросу, четко определить все методики и таксы для расчета, которые на данный момент отсутствуют. Также, возможно в рамках решения данного вопроса ввести единую систему компенсаций, которая бы позволяла гражданам упрощенно получать возмещение за вред, причинённый экологическими нарушениями. Помимо компенсаций, в рамках данной проблемы возможно учредить специальные фонды для возмещения медицинских расходов, связанных с экологическими катастрофами. И очень важным, на наш взгляд, стало бы общественное информирование, а именно увеличение информированности граждан об их правах на возмещение, чтобы они могли в любой момент обратиться за возмещением или квалифицированной помощью.

В заключение хотелось бы отметить, что проблема возмещения ущерба окружающей среде на современном этапе развития экологического права как самостоятельной отрасли в России, является крайне актуальной и подлежит скорейшему урегулированию на законодательном уровне. Именно комплексный подход к решению обозначенных нами в научной работе проблем способен обеспечить стабильное и устойчивое развитие экологии в

России, а также обеспечить сохранность и безопасность природных ресурсов для их использования будущими поколениями.

Библиографический список использованных источников

1. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 06.06.2024 г. по делу № 33-21042/2024 | [Судебная практика] // Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/5f482c50-03c9-11ef-85ae-3f8b43995b9b> (Дата обращения – 20.12.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. - Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 20.12.2024).
3. Евтушенко В. И. Конституционно-правовое регулирование деятельности по возмещение вреда лицам, пострадавшим при чрезвычайных ситуациях экологического характера // Современное право. 2009. № 11. С. 38–41.
4. Жулай Е. А., Черкашина Е. Г. Виды экологического вреда и способы его возмещения // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 42. С. 32–36.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 13.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.12.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. - Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277> (дата обращения: 20.12.2024).
6. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. - Режим

доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 08.11.2024).

7. Кравцова Е. А. Проблемы возмещения экологического вреда в Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-vozmescheniya-ekologicheskogo-vreda-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 20.12.2024).

8. Об аварийном, экстремально высоком и высоком загрязнении окружающей среды, а также радиационной обстановке на территории России в январе 2024 года от 19.02.2024 г. (Исх. № 01-01819/24и) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. - Режим доступа: <https://www.meteorf.gov.ru/documents/> (дата обращения: 20.12.2024).

9. Об аварийном, экстремально высоком и высоком загрязнении окружающей среды, а также радиационной обстановке на территории России в августе 2024 года от 18.09.2024 г. (Исх. № 01-09833/24и) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. - Режим доступа: <https://www.meteorf.gov.ru/documents/> (дата обращения: 20.12.2024).

10. Оль Е. М., Шадров М. А. Соотношение правовых категорий «Вред», «Ущерб», «Убытки» в экологической сфере // Ленинградский юридический журнал. 2016. №3 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-pravovyh-kategoriy-vred-uscherb-ubytki-v-ekologicheskoy-sfere> (дата обращения: 20.12.2024).

11. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство президента России. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/15177/print> (дата обращения: 20.12.2024).

12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного Федерального округа от 20.07.2020 по делу № А56-27589/2017 | [Судебная практика] // Режим

доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/bc64e505-32d0-4d05-8bb6-977164d8bb50>
(Дата обращения – 20.12.2024).

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 49 "О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Верховного суда РФ. - Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/own/26111/> (дата обращения: 20.12.2024).

14. Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. N 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Правительства РФ. - Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/60873/> (дата обращения: 20.12.2024).

15. Постановление Правительства РФ от 29.12.2018 N 1730 (ред. от 18.12.2020) «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Правительства РФ. - Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/120329/> (дата обращения: 20.12.2024).

16. Приказ Минприроды России от 08.07.2010 N 238 (ред. от 18.11.2021) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. - Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=2&nd=205011389&collection=1 (дата обращения: 20.12.2024).

17. Приказ Минприроды России от 13.04.2009 г. N 87 (ред. от 26.08.2015) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». - Режим доступа: <https://base.garant.ru/12167365/> (дата обращения: 20.12.2024).

18. Решение Арбитражного суда Камчатского края от 15.12.2020 г. по делу № А24-3769/2020 | [Судебная практика] // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/ed48a6c3-8c8e-459a-b527-ec2e7a309da> (Дата обращения – 20.12.2024).
19. Решение Киселевского городского суда Кемеровской области от 30.05.2017 г. по делу № 2-930/2017 | [Судебная практика] // Режим доступа: https://kiselevsky--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=503858228&case_uid=2809b932-26f1-49e3-93d3-1babf10cca03&delo_id=1540005 (Дата обращения – 20.12.2024).
20. Розовский Б.Г. Правовое стимулирование рационального природопользования / Б. Г. Розовский. - Киев: Наук. думка, 1981. - 11 с.
21. Российское информационное агентство «Новости»: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. – Режим доступа: <https://ria.ru/20241220/zagryaznenie-1990365327.html> (Дата обращения: 20.12.2024).
22. Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство президента России. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879> (дата обращения: 20.12.2024).
23. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. 08.08.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. - Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074303> (дата обращения: 20.12.2024).

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ «СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

№4

Сентябрь 2025 г.

В авторской редакции

Научный электронный журнал «Сфера науки»,
350000, г. Краснодар, ул. Володи Головатого, 313,
e-mail – sfera_nauki@mail.ru

Краснодар, 2025